

18+

Сергей Курган

МАСКАРОН

роман

Сергей Курган
Маскарон. Роман

«Издательские решения»

Курган С.

Маскарон. Роман / С. Курган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517806-0

2016 год. Германия. Молодая пара из смешанных русско-немецких семей готова оформить свои отношения, но его родственники, гордящиеся своим происхождением, против невесты. И тогда она решает доказать, что у нее тоже высокое происхождение. Но генеалогические изыскания с рутинной работой в архивах Бамберга внезапно оборачиваются бурными приключениями: Аня и Макс оказываются в самом центре смертельной борьбы каких-то таинственных сил.

ISBN 978-5-00-517806-0

© Курган С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
СЕВЕРНЫЙ РИМ	6
Глава 2	16
ДОПУСК К КОШМАРУ	16
RIVRNADSF: CRIE: B/17R:236P1/32	19
RVNBCACDODMSUNTCCLXI	19
FRZBNFRNCBTT	19
Глава 3	25
ПЯТАЯ СТУПЕНЬКА	25
Глава 4	33
ОПАСНАЯ МЕШАНИНА	33
Глава 5	42
ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ	42
Глава 6	52
ПСЫ ГОСПОДНИ	52
RIVRNADSF: CRIE: B/17R:236P1/32	55
RVNBCACDODMSUNTCCLXI	55
FRZBNFRNCBTT	55
Глава 7	60
ВИЗИТ С СОПРОВОЖДЕНИЕМ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Маскарон Роман

Сергей Курган

Фотограф И. С. Ковальчук

© Сергей Курган, 2020

© И. С. Ковальчук, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-7806-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

СЕВЕРНЫЙ РИМ

Дочитав до конца страницы, Аня поняла, что смертельно устала. Она прикрыла глаза и слегка помассировала их. Это вызвало болезненное чувство. Она вновь открыла глаза и, подняв голову, обвела взглядом помещение. Небольшой читальный зальчик архива был хорошо освещен ярким солнечным светом, льющимся через высокие окна. За десятком столов сидело, кроме нее, еще три человека: консервативно одетый представительный пожилой господин, невзрачного вида женщина лет сорока, из тех, которых потом невозможно вспомнить, и молодой парень в футболке и джинсах.

«Три человека, представляющие три поколения», – подумала Аня», – «как будто их специально подобрали». Эта, последняя мысль почему-то вызвала у нее неприятное ощущение, что-то вроде легкой обеспокоенности. При всей разнице в возрасте, все трое, в том числе и молодой человек, были в очках. «Примета компьютерного века» – отметила она про себя. Несмотря на очки, парень был совершенно не похож на архивного юношу. Если бы она встретила его где-нибудь на улице, она бы ни за что не подумала, что он бывает в таких местах, как муниципальный архив Бамберга. «Зачем он здесь?» – подумала Аня. – «Может быть, затем же, зачем и я? Раскапывает свою родословную? Ищет корни?»

Сама Аня занималась именно этим – пыталась восстановить свое генеалогическое древо. Родившаяся в Саратове дочь русской и поволжского немца, она давно, еще с тех пор, как переехала с родителями в Германию, хотела побывать в Бамберге, откуда, как она знала, были родом ее предки по отцу. Тут они жили до начала 17 века, затем переселились в Регенсбург, и уже оттуда в конце 18 века эмигрировали в Россию.

Она регулярно обещала себе, что на следующий год непременно съездит в Бамберг и Регенсбург, но этому всякий раз что-то мешало: то учеба, то всякие личные проблемы. А порою случалось и непредвиденное. Так, в позапрошлом году, когда они с Максом проводили каникулы в Швейцарии, неожиданно все планы полетели к черту, и началось такое, что им стало ни до чего¹

Как бы там ни было, время шло, а намерения так и оставались намерениями. И, наверное, остались бы таковыми и в этом году, если бы Аня не заелась с родней Макса, а точнее, с его тетками.

Теток у него было две: обе – сёстры его матери, и обе противные до невозможности. То есть, наверное, они не были такими уж зловредными всегда и со всеми. Макс и вовсе находил их очень приятными и дружелюбными созданиями и никак не мог взять в толк, какие Аня имеет к ним претензии.

– Чем тебе не угодили мои тетки? – спрашивал он Аню всякий раз, когда она высказывалась по их поводу. – По-моему, милейшие существа.

Обычно Аня на это отвечала что-нибудь вроде:

– Не суди по себе. С тобой они милые, но ты им племянник.

Или же просто махала рукой.

¹ Об этом читайте в романе Сергея Кургана «Песок вечности».

Обе тетки были старшими сестрами матери Макса, и их собственные дети уже давно выросли, но внуков им дарить не спешили, и потому Макс был у них любимчиком. Они называли его «племяшкой» и суетливо оберегали, настороженно и ревниво присматриваясь ко всему живому, что приближалось к нему на расстояние менее двух метров.

Аня все это понимала и старалась не заводиться. Но в конце концов, произошло то, что должно было раньше или позже произойти: согласно неумолимому закону диалектики, наступил момент, когда количество перешло в качество, и Аня взорвалась.

Если при Максе тетки все-таки держались с Аней пускай холодно, но более-менее в рамках приличий, то в его отсутствие они регулярно наезжали на нее. Хоть убейся, Аня им не нравилась, и они полагали, что она не подходящая партия для их обожаемого племянника. И это несмотря на то, что она имела теперь диплом магистра по международной экономике и отличную работу в Женеве, в штаб-квартире холдинга «Дюмон» – с хорошей зарплатой, бонусами и превосходными перспективами. Все это нисколько не изменило их отношения к Ане. Их претензии были разнообразны, но в общем их можно было выразить емкой формулой: «Ты кто вообще такая?»

Они, видите ли, не из простых немцев: «Наш предок был инженером – кораблестроителем из Гамбурга и приехал в Россию, в Петербург, строить флот. Сидел за одним столом с Петром Первым. Да и последующие поколения были чиновниками и офицерами, пользовались почетом и уважением. И уж только после революции утратили свое высокое положение. А твои предки неизвестно кто».

И вот, наконец, Аню прорвало, и она разругалась с ними.

– Я представила им отчет за четыре года, – сказала она, когда Макс поинтересовался, что же произошло. – Итоги оказались неутешительны.

– С чего это ты вдруг? – спросил он.

– Вдруг?! – возмутилась Аня. – Ты сказал: «вдруг»? По-моему, это слово тут неуместно!

– Кончай!

– Да я только начала!

– Не заводись!

– Сколько можно сдерживаться? У меня лопнуло терпение. Неудивительно: я терпела четыре года. Четыре года, Макс! За это время может истощиться терпение у удава! Они меня достали!

– Не понимаю чем. По-моему, они очень доброжелательны. Да они мухи не обидят

– Очень может быть, – ответила Аня со злостью, – что мух они действительно не обижают. Может, они их любят и лелеют, и входят в их тяжелое мушиное положение. Может, их пробивает на сочувствие к жукам и кузнечикам. Может быть, они вообще буддистки и члены Общества друзей живой природы. Все может быть. Не знаю. Но так как я не муха, то меня они очень даже обижают.

Макс скривился

– Что-то я такого не припомню, – сказал он.

– При тебе они стараются сдерживаться. Но в твое отсутствие они отпускают тормоза. Я тебе об этом говорила, и не один раз.

– Ты преувеличиваешь.

– Ничего я не преувеличиваю! Мне надоело терпеть унижения. У меня тоже есть гордость. Меня ценят на работе. Меня уважает сам Серж Дюмон! Мои предки по отцу, между прочим, жили в Бамберге, как минимум, в XVI веке! А твои тетки заявляют мне, что я – никто, без роду и племени. Да пошли они!

– Тебя заносит.

– Никуда меня не заносит! Вот поеду в отпуск в Бамберг и Регенсбург и откопаю свое родословное дерево.

- Ты каждый год, сколько я тебя знаю, заводишь эту песню. Но хотя от Вормса до Бамберга всего-то каких-нибудь пару часов на машине, дальше разговоров дело не заходит.
 - Вот тут ты совершенно прав – не заходит. Вернее, не заходило. Но на этот раз будет по-другому. Я поеду туда обязательно! Я все архивы перерою, и найду!
 - Что ты найдешь?
 - Свидетельства того, что у меня старинная и достойная родословная. Приеду и суну их твоей родне под нос!
 - Брось это!
 - А ведь я могу последовать этому совету и правда бросить.
 - Успокойся, – мягко произнес Макс и обнял ее.
- Некоторое время они так молча стояли, обнявшись.
- Извини, Анюша, – добавил Макс. – Это был глупый совет. Не надо ему следовать.

На этот раз Аня действительно приехала в Бамберг и уже третий день сидела в архиве. Она приходила в девять утра и работала до полудня. Затем она шла обедать в понравившееся ей кафе неподалеку. Поев, она вновь приходила в архив и работала с часу дня до пяти вечера, после чего возвращалась в отель, который находился поблизости, тоже в Старом Городе.

Те семь часов, которые она проводила в архиве, она читала документы и за это время прошерстила несколько толстых томов подшивок. К перерыву у нее побаливала спина, заметно уставали глаза, и застывали пальцы, так что их приходилось разминать. А к пяти часам она настолько уставала, что, придя в номер, сразу же валялась на кровать и полчаса – час спала. Только после этого она чувствовала себя достаточно отдохнувшей для того, чтобы совершить прогулку по городу.

Результаты этих утомительных трудов были, на сторонний взгляд, нулевыми: в том смысле, что никаких следов пребывания своих предков в Бамберге она пока что не обнаружила. Но Аню это не обескуражило: она знала, что работа в архивах очень редко приносит быстрые результаты, а, случается, и вовсе не приносит никаких. «Терпение и метод – вот что необходимо», – говорила Аня себе. «Уж если мне столько лет доставало выдержки, чтобы сносить „наезды“ Максовых теток, то уж как-нибудь мне ее хватит и на архив» – думала она. Ну, а метод – это вообще не было большой проблемой: к методичности в любой работе она, учась в Германии, себя уже давно приучила.

Генеалогические разыскания – занятие непростое, и успеха в них не добиться, если не следовать определенным правилам. Прежде всего, нельзя «перепрыгивать» через столетия – это грубая ошибка! Начинать следует всегда не «из глубины веков», а с сегодняшнего дня, то есть, с тех родственников, которые еще живы, постепенно и последовательно, без «скачков» и без пропуска каких-либо периодов продвигаясь из настоящего времени все глубже и глубже в прошлое. Первым делом нужно встретиться со всеми ныне живущими взрослыми родичами и расспросив их, собрать все, что они знают о своей родне. Особенно ценными информаторами являются, естественно, пожилые родственники, но как раз с ними беседовать чаще всего очень нелегко. Тут необходимы такт, обходительность и выдержка. Нужно быть хорошим психологом, а желательно еще и хотя бы немного актером, чтобы успешно справиться с этим.

Аня такой опрос родственников провела. От него можно было сойти с ума. Сначала приходилось долго и нудно объяснять, зачем она этот опрос проводит и что она желает узнать. А представители старшего поколения, пережившие депортацию, трудармию и прочее, просто боялись каких-то неясных, но страшных последствий и замыкались, как ракушки. Приходилось преодолевать сопротивление и насмешки, завоевывать доверие.

А когда оно устанавливалось, то словно прорывало плотину, и на Аню изливались потоки сведений самого разного рода: родовые предания и анекдоты, рассказы про склоки и скандалы, истории любви и семейные трагедии. И океан эмоций: страсть, зависть, любовь и нена-

висть. Большая часть того, что рассказывали родственники, никак не относилась к генеалогии. Но все это надо было слушать, и не просто терпеливо, но демонстрируя участие и интерес. Впрочем, порой бывало действительно интересно. Аня подумала еще, что на основе этих рассказов можно было бы написать несколько романов: материала хватило бы и для Бальзака.

На следующем этапе следовало обратиться к записям актов гражданского состояния – в Баварии, в которой находятся и Бамберг, и Регенсбург, такие записи регулярно ведутся местными властями с 1876 года: да, увы, всего лишь с последней четверти XIX столетия. Поскольку ее предки эмигрировали в Россию еще в XVIII веке, таких записей в Регенсбурге быть не может. А в Бамберге – тем более. Поэтому в муниципальных архивах обоих городов Аня искала каких-либо родственников не по прямой линии, которые могли бы помочь заполнить дыры в составляемой ею родословной.

Если требовалось «копать глубже», то следовало заняться церковными записями. В церковном католическом архиве в Регенсбурге она нашла своих предков – они были горожанами. Записи о них появились начиная с 1650 года, причем, указывалось, что они были родом из Бамберга. Но для Ани важно было докопаться до начала XVII века, потому что, согласно семейному преданию, которое ей поведала бабушка, именно тогда одна молодая женщина из числа ее дальних предков была сожжена в Бамберге на костре как ведьма². И если в детстве и отрочестве, когда Аня еще жила в Саратове, она относилась к этой истории, как к сказке, то впоследствии ее мнение переменялось. Теперь она чувствовала, что это правда, и стремилась найти этому документальное подтверждение. И еще, Аня не могла забыть, как Серж однажды сказал, что «в ее жилах течет высокая кровь». Тогда Аня решила, что это просто комплимент и метафора, которыми всегда изобилует речь Сержа. Но сейчас она стала склоняться к мысли, что за этим кроется нечто более существенное. Она верила, что ее предки имели высокое происхождение и надеялась это доказать.

И, поскольку в муниципальном архиве она не нашла полезной для себя информации, Аня обратилась к церковным записям, перебравшись в местный католический церковный архив.

Здесь, на первый взгляд, поиски обещали успех, так как римско-католические приходы еще в 1563 году были обязаны решением Тридентского собора регистрировать крещения, браки и смерти, а Анины предки, и в этом она была уверена, были католиками. Так что начало XVII столетия, по идее, должно было быть отражено в церковных записях. Но действительность, как водится, оказалась сильно отличающейся от предположений.

Когда Аня подала запрос на церковные приходские записи за первое десятилетие XVII века, женщина-архивариус подняла лицо от заполненного бланка и, сдвинув очки на лоб, окинула ее пристальным изучающим взглядом, от которого Аня почувствовала, что буквально замерзает в этот жаркий августовский день, после чего архивариус взяла из стоящего перед ней ящичка штемпель.

– Вы это серьезно? – с металлом в голосе спросила она.

– Ну да, – пробормотала Аня в ответ. – А в чем дело?

Она была совершенно растеряна. Взгляд архивной дамы потеплел, и штемпель вернулся в свою ячейку.

– Могу я спросить, что именно вы ищете?

Аня объяснила, что в шестнадцатилетнем возрасте переехала с родителями в Германию из России и теперь ищет своих предков, которые до начала XVII века жили в Бамберге.

– Значит, вы ищете свои корни? – спросила архивариус.

– Да...

– И что-то еще, так?

² Об этом читайте в романе Сергея Кургана «Оправа для бриллианта, или пять дней в Париже».

– Да, – вновь ответила Аня, почему-то вдруг почувствовав к даме доверие. – И еще кое-что.

И она рассказала о ведьме, сожженной в начале XVII века. Архивариус слушала очень внимательно, и выражение ее глаз становилось все более сочувственным.

– Вот что, милочка, – сказала она, когда Аня закончила свой рассказ, – я сейчас попрошу коллегу подменить меня на полчаса, и пойдете посидим в нашей кафетерии. Я вам кое-что объясню и попробую вам помочь. А заодно мы приятно побеседуем. Хорошо?

– Спасибо, – смущенно поблагодарила Аня.

В кафетерии Аня взяла кофе, а архивариус – травяной чай.

– В моем возрасте не следует увлекаться кофе, – прокомментировала она, когда они уселись за столик.

С минуту она молча перемешивала таблетку подсластителя, а затем положила ложечку на блюдце.

– Значит, с 16 лет вы учились в Германии? – неожиданно спросила она.

– Да, – несколько обескураженно ответила Аня. – В гимназии. Потом – в университете.

– Что вы изучали, если не секрет?

– Международную экономику.

– Позвольте полюбопытствовать, что у вас в гимназии было по истории?

– «Отлично», – Аня почувствовала, что уши у нее покраснели.

– Вот как?

Архивариус посмотрела на Аню с интересом.

– Вы должны быть весьма продвинуты, фрау...

– Шерер, – назвалась Аня.

Дама достала из кармашка своей сумочки визитку и передала ее Ане.

– Я – фрау Вайгель, – представилась она.

– Приятно познакомиться.

– Взаимно. Так вот: записей за период времени до середины XVII века у нас нет. И не только у нас – их нет и в других германских архивах. Потому что – и вы должны это знать – в первой половине XVII века в Германии произошла катастрофа.

– Катастрофа? – поразила Аня.

И тут что-то замаячило в ее сознании. Отвлечшись от окружающего и сосредоточившись, она, как учил ее Серж, «прошлась по цепочкам ассоциаций». В ее сознании засветился пустой экран, на который выплыли цифры: «1618 – 1648». Боже мой, ну конечно!

– Тридцатилетняя война! – воскликнула Аня.

– Именно, – откликнулась фрау Вайгель. – Это была настоящая тотальная война. Тридцать лет по Германии передвигались многотысячные армии. Отряды ландскнехтов грабили и жгли дома и фермы, вырезали крестьян, сжигали урожаи. Страна лежала в руинах. Людские потери точно, конечно, не известны, но совершенно определенно, что в пропорции к численности населения они были существенно выше, чем в Первую и даже во Вторую Мировую войну. И заметно выше, чем от Черной Смерти.

– То есть, эпидемии чумы в XIV веке?

– Совершенно верно. Страна обезлюдела. Какие уж тут архивы! Все сгорело! Огромный массив документов предшествующих эпох был безвозвратно утерян.

– Понятно. Я как-то об этом совсем не подумала...

– Вот поэтому проводить в Германии генеалогические разыскания, относящиеся ко времени до середины XVII столетия, практически безнадежно. Записи имеются только после 1648 года, а непрерывные записи – приблизительно с 1700.

– Что же, вообще ничего не осталось?

Аня испытывала чувство подавленности. «Вот и закончились мои генеалогические исследования» – с грустью подумала она. Но несмотря ни на что, в глубине души она надеялась, что это еще не тупик и что какое-то решение есть. Должно быть!

– Очень мало, – ответила фрау Вайгель после паузы. – Крохи. Серьезные находки тут исключительная редкость.

– Но они все-таки случаются? – спросила Аня со вновь проснувшейся надеждой.

Фрау Вайгель неопределенно пожала плечами. Она молча крутила в пальцах ложечку, очевидно размышляя о чем-то.

И в этот момент Аня почувствовала на себе чей-то взгляд. Почувствовала совершенно явно, буквально физически. Она была уверена, что это не игра ее воображения. Взгляд был не то чтобы тяжелым, но пристальным и потому неприятным. И это не был раздевающий взгляд, какие Ане нередко приходилось ощущать на себе. Нет, в нем не было ничего сексуального, ничего легкомысленного. Это был очень серьезный взгляд. Примерно в том месте, где шея соединяется с затылком Аня почувствовала, как ее словно бы покалывают маленькие иголки. Смотрящий расположился не совсем за ее спиной, а где-то сзади и сбоку, таким образом, что он мог хорошо видеть Аню, тогда как сам оставался невидим для нее. Чтобы его увидеть, недостаточно было повернуть голову, нужно было повернуться корпусом. Сделать это Аня не решилась. Позиция для наблюдения была выбрана точно – профессионал? «Но зачем»? – размышляла она. – «Кому я понадобилась?!»

– Крайне редко, фрау Шерер, – после еще одной паузы отозвалась фрау Вайгель, сделав ударение на слове «крайне». – Этим путем вы не добьетесь ничего.

Она произнесла это с какой-то подвешенной интонацией. Значит ли это, что есть варианты?

– Имеется еще одна возможность, – вновь заговорила фрау Вайгель. – Эта женщина – ваш предок, которую сожгли как ведьму... Можно попробовать искать через нее.

– Это возможно?

– Да. Тут речь уже идет не о церковных записях, а о судебных отчетах инквизиции.

– Они сохранились?

– Большой частью – да, они сохранились.

– На них всеобщая катастрофа не распространилась?

– Инквизиция – это инквизиция.

– Серьезное учреждение?

– Не стоит иронизировать, фрау Шерер. Уверяю вас, это совсем не смешно.

– Я знаю.

– Боюсь, вы знаете недостаточно. Но можете пополнить свои знания по этой теме.

– Здесь? В вашем архиве?

– Да. Короче говоря, вы можете ознакомиться с судебными отчетами бамбергских судов над ведьмами и попытаться отыскать в них вашу... Вы знаете ее имя и фамилию?

– Да, – соврала Аня.

Фрау Вайгель, посмотрев на Аню, вздохнула.

– Значит, не знаете. Но какие-то сведения о ней у вас есть?

– Да, – тихо ответила Аня, чувствуя крайнюю неловкость.

– Хорошо. Вы готовы этим заняться? Имейте в виду, что это не только уйма работы, но и такая информация, от которой нормальному человеку делается не по себе.

– Я готова.

– В таком случае, подадите запрос. Я вам дам бланк и объясню, как его заполнять. И прошение о допуске.

– Прощение о допуске? Это секретная информация?

– Если бы она была секретной, ни вас, ни меня к ней и близко бы не подпустили. Никакой секретности тут нет – с этой информацией могут, в принципе, ознакомиться все.

– Зачем же допуск?

– А допуск, фрау Шерер, нужен для того, чтобы эту информацию использовали по делу. Поэтому в прошении о допуске нужно свой интерес обосновать: для научной работы, для написания книги или, как в вашем случае, для установления родословного древа. Обосновать сумеете или вам помочь?

– Думаю, что сумею, – ответила Аня. – Спасибо, фрау Вайгель, – вы мне уже очень помогли.

Фрау Вайгель улыбнулась уголками губ.

– Мне понравился ваш интерес к корням, – ответила она.

Встав из-за столика и наконец-то обернувшись, Аня не увидела того, кто мог бы так смотреть на нее. Но она была уверена, что все это – не «глюки», и что взгляд был. Однако там, где, судя по всему, должен был сидеть наблюдатель, не было никого. Аня собралась было уже выкинуть все это из головы – чего только не бывает! Но, проходя мимо этого места, она увидела, что сидевший за столиком, по-видимому, все еще где-то тут, поблизости: чашка кофе была недопитой, у ножки стула стояла черная спортивная сумка. А из ее кармашка торчали очки, вид которых почему-то обеспокоил Аню. Хотя ей был виден лишь их краешек, они показались ей знакомыми.

И только часом позже, когда, заполнив с помощью фрау Вайгель необходимые бланки в архиве, Аня возвращалась в отель, она внезапно вспомнила, где она видела эти очки: они были на носу у того самого, непохожего на «архивного юношу» молодого человека, который сидел вместе с ней в читальном зале муниципального архива.

Ей сразу стало как-то не по себе, и ее охватило чувство тревоги. И рядом – никого. «У Макса со следующей недели начинается отпуск», – подумала она. – «Может, позвонить ему, чтобы он сразу приехал? Или вообще плюнуть на это все и уехать домой, в Вормс? В конце концов, прошла всего-то неделя отпуска, и впереди еще полно времени. Может быть, удастся схватить какой-нибудь горящий тур «в последнюю минуту»? А лучше без всяких турбюро – просто поехать на машине куда-нибудь?»

«А почему, собственно?» – продолжала размышлять Аня. – «С какой такой стати? Ничего ведь не произошло!» «Пока что», – дополнил противный голос где-то в голове. «А не заткнулся бы ты?» – ответила ему Аня, хотя понимала, что это – голос ее инстинкта самосохранения. Но разве есть какая-то опасность? В чем она? «Не преувеличиваешь ли ты, милая моя?» – задала она себе вопрос.

«А может, кто-то как раз и хочет, чтобы я плюнула и уехала? Пытается меня напугать»? Тут уж выиграло Анино упрямство: «Ну, нет – не на ту напали, – сказала она себе. – Тогда я тем более никуда не уеду!»

Едва войдя в свой номер, Аня моментально стянула платье, следом за чем включила кондиционер. Был август. На улице стояла удушающая жара, которая, после утомительной работы в архиве, добивала окончательно. На какой-то момент ей представилось, что она на море – где-нибудь в Римини или в Каннах, а может, на Канарах. И вот сейчас войдет в воду и окунется с головой. Поплывает, а потом просто покачается на волне... Она вполне могла бы там быть. Многие ее коллеги проводили отпуск в тех краях, а она сидела в прокаленном солнцем городе, равноудаленном от всех омывающих Европу морей, и задыхалась от жары. Правда, и в архиве, и тут – в отеле имелись кондиционеры, но даже сравнительно короткого перехода по улице хватало для того, чтобы насквозь пропотеть.

Аня встала под душ. Жалела ли она, что тратит драгоценное время отпуска здесь? «Нет!» – твердо ответила она себе, – «Раньше или позже это надо было сделать, и сколько можно откладывать»? Она предчувствовала, что ее розыски не останутся бесплодными.

После душа Аня накинула легкий розовый халатик и бухнулась на кровать. Она начала размышлять о том, вызвать ли Макса сюда или пока оставить его в покое, но все никак не могла принять решение. Вскоре мысли стали путаться, и ее сморил сон.

Аня бежала, точнее, пыталась бежать по Бамбергу – по Старому Городу. Нет, не просто старому, а стародавнему – века шестнадцатого или семнадцатого. Но при этом она была одета по-современному: в белых шортах, белой блузке и длинном трикотажном жилете цвета морской волны. А вокруг нее теснилась толпа людей – одетых по-старинному мужчин и женщин, которые хватили ее за края одежды, и взгляды их были исполнены злобы, страха и неприязни.

Они резкими, задыхающимися от ненависти голосами выкрикивали: «Это ведьма! Сжечь ее! Спалить на рыночной площади!» Среди беснующейся толпы спокойно стоял монах с надвинутым на лоб капюшоном, так что лица было не разглядеть. «Инквизиция, милочка, – серьезное учреждение», – произнес он скрипучим голосом.

Тут же Аня оказалась стоящей на поленнице и привязанной к столбу. «Мы тебя спалим!» «На сырых дровах!» – выкрикивал кто-то мерзким, плотоядным голосом. «Бабы – все ведьмы!» – вторил ему хриплый бас. Вдруг среди толпы появился Макс в своем любимом неформальном прикиде: джинсах и футболке, на которой в этот раз красовалась надпись: «*Take your filthy hands off me now!*»³ Он стал кричать срывающимся голосом: «Она не ведьма! Оставьте ее! Ее ценят на работе! Ее уважает сам Серж Дюмон!» «Нет, кончай!» – грубо произнес кто-то. – «У удава лопнуло терпение!»

Монах в надвинутом капюшоне, снова оказавшийся в поле зрения, указал на Аню рукой. «В ее жилах течет высокая кровь», – хрипло произнес он. – «Поэтому ее надо непременно сжечь».

Неожиданно прямо перед нею появился Серж Дюмон в изысканном костюме от парижского кутюрье, и изящным движением поцеловав кончики пальцев Ани, произнес, обращаясь к толпе: «Оставим светский треп! Мне претит ваша компания!» И тотчас же толпа исчезла. Серж тоже куда-то испарился, остался только джинсовый молодой человек из архива. Он достал из своей черной спортивной сумки очки и начал медленно надевать их.

«Чего вы хотите?» – хотела спросить Аня, но в этот момент проснулась.

После сомнительного отдыха, испорченного дурацким и неприятным сном, Аня решила воспользоваться тем, что жара к вечеру спала и все-таки, прогуляться по старому Бамбергу.

Сегодняшняя прогулка была уже третьей по счету, и каждый раз она шла другим маршрутом. Единообразия она не любила: оно наводило на нее тоску, и старинные исторические кварталы нравились ей еще и тем, что в паутине узких и кривых улочек всегда можно было пройти из точки А в точку Б по крайней мере тремя-четырьмя разными путями. Ей требовались новые, свежие впечатления, или, как она говорила, «смена картинки». Вот и на этот раз она пошла не так, как вчера и позавчера. Но, хотя и другой дорогой, чем в предыдущие дни, вышла Аня все равно к Собору.

С высоты холма, на котором стоит Собор, все три части Старого города были видны, как на ладони: Верхний город, Остров, расположившийся между рукавами реки Регниц, и кварталы за рекой. Живописно рассыпанные черепичные крыши домов, башни церквей и старинные фонтаны придавали городу почти сказочный вид.

³ «Убери от меня свои грязные руки!» (англ.)

Во Вторую Мировую Бамбергу повезло – его почти не бомбили, и весь отлично сохранившийся исторический центр был теперь включен в список Всемирного Наследия ЮНЕСКО.

Все дороги ведут в Рим. Да-да, именно так! Бамберг прозвали Северным, или Франконским Римом не только потому что он, как и Рим, расположился на семи холмах, но, главным образом, потому что он был одним из главных центров католичества к северу от Альп. Епископство основал здесь еще в 1007 году император Генрих II Святой, которого, как считается, изображает конная статуя в Соборе, известная как «Бамбергский всадник». И на протяжении восьмисот лет после этого судьба города была неразрывно соединена с епископством. Ему Бамберг обязан экономическим и культурным расцветом в эпоху барокко. Но с ним же связаны и трагические события охоты на ведьм.

Стоя на небольшой площади перед Собором, Аня смотрела на город. Старые городские кварталы завораживали ее. Для нее они всегда таили в себе непередаваемую магию, от них словно веяло тайной. А порой они одаривали ее неожиданными и удивительными открытиями, которые не поддавались легкому истолкованию, но оставляли след в ее душе. Такое случилось и здесь, в Бамберге.

Аня имела обыкновение во время прогулок снимать городские виды на телефон. Конечно, так делают многие, но она любила снимать что-нибудь не совсем обычное, не привлекавшее внимания большинства, но чем-то очаровавшее ее – старую подворотню, стену, увитую плющом, решетку ограды. В Бамберге она не изменила своей привычке. Эти снимки она отправляла Макс. Обычно он, просмотрев эти фото, присылал краткие, нередко ироничные, замечания. Но позавчера от него, вместо традиционного комментария, уснащенного прибаутками, пришел совершенно неожиданный пост, исполненный изумления.

На снимке, который вызвал такую необычайную реакцию, был запечатлен маскарон⁴, разместившийся над одним из окон живописного старинного дома в Верхнем городе. На фасаде того дома их было три: все на первом этаже. Лица, изображенные на них – одно мужское и два женских – были на редкость выразительными, и что особенно очаровало Аню, все они были разными. И она сфотографировала их. Тот маскарон, что изумил Макса, изображал одно из женских лиц.

«Не понял, – удивленно писал Макс. – С каких это пор ты стала позировать скульпторам? И когда ты успела?! Анюша, что это значит? Ведь это же твое лицо!»

В первый момент она не поняла, о чем речь. Однако, взглянув на фото еще раз, она была поражена. Скульптор запечатлел лицо привлекательной молодой женщины с удивительным мастерством: оно выглядело, как живое. И в его чертах просматривалось явное сходство с лицом самой Ани. Нет, это не было ее лицо, но все-таки их черты были на редкость схожи, и Макс, посмотревший на снимок «незамысленным» глазом, это сразу заметил.

Ошеломленную, ее захватил вихрь всевозможных догадок и предположений. Сердце забило учащенно, и она ясно ощутила ауру тайны. Что это могло значить? Как это нужно было понимать? Она решила, как только удастся выкроить на это время, обязательно разузнать о доме все, что возможно. Но одно уже можно было сказать с уверенностью: это необычное открытие утвердило ее в решимости продолжать поиски.

Еще раз окинув взглядом город, медленно растворявшийся в наступающих сумерках, Аня направилась в отель.

Она шла по узкой улочке, обдумывая планы на завтрашний день: главное, нужно зайти в архив, встретиться с фрау Вайгель и узнать, что слышно насчет допуска. Естественным было бы, конечно, просто позвонить ей по телефону, но Ане казалось, что это неучтиво, и что

⁴ Маскарон – декоративная деталь фасада в виде человеческого лица или маски.

это может повредить установившемуся между ними контакту. Может быть, допуск будет получен скоро, и завтра или послезавтра она уже сможет начать работать с судебными отчетами инквизиции? Хотя в это ей мало верилось: слишком уж медленно все делается в Германии, а в Баварии тем более. «Ну, ничего, – думала она, – подождем, зато»...

Неожиданно подал голос Анин телефон: кто-то звонил ей. Она резко остановилась и выхватила аппарат из сумочки. И в этот момент прямо у нее под носом – в каких-нибудь тридцати сантиметрах перед ней – на брустчатку с глухим звуком шмякнулся наполненный чем-то тяжелым большой полиэтиленовый пакет. От удара о камни он расплющился, и стало видно, что он плотно набит песком.

Аня остолбенела, сердце нырнуло куда-то в район живота. Во рту пересохло.

Телефон продолжал звонить. Она вдруг поняла, что этот телефонный звонок спас ей жизнь: услышав его, она резко остановилась. Если бы не это, она сделала бы очередной шаг вперед, и пакет упал бы точно ей на голову. «Боже, я была на волосок от смерти», – подумала она, – «а мой спаситель»...

– Макс! – закричала она в аппарат, – Макс! Максичек! Мой хороший.

– Алло! Анюша! Что случилось?!

– Макс! Я...

Аня почувствовала, что ей трудно говорить: язык не слушался ее.

Глава 2

ДОПУСК К КОШМАРУ

За считанные секунды произошло очень много, и в голове завертелся вихрь сумбурных мыслей: «Как и откуда упал пакет? Могло это быть случайным или это было преднамеренно? Ведь еще чуть-чуть, и он бы меня убил! Кому это может быть нужно и зачем»? Ответов на эти вопросы не было, и потому Аня испытала совершеннейшую растерянность, так что какое-то время не могла ничего сказать. Но все-таки ей удалось волевым усилием взять себя в руки и ответить Макс – пусть и не вполне спокойно, но членораздельно и внятно.

– Макс, – произнесла она, – я в порядке. Не волнуйся.

– Слава Богу, – ответил он с облегчением, – Что там у тебя происходит? Ты где?

– Я на улице.

– Ты одна?

Аня поняла, что этот вопрос, вопреки обыкновению, был продиктован совсем не ревностью. Она огляделась: улочка была совершенно безлюдной, и не считая ее самой, на ней не было ни души.

– Да. То есть...

– Что «то есть»? Объясни толком!

– То есть, наверное, не совсем одна, – ответила Аня, подумав о том, что кто-то же скинул ей на голову этот...

Она ткнула в пакет носком кроссовки – пакет был плотным и наверняка тяжеленным. Кто-то же втащил его – куда? На крышу? Или его сбросили из окна? Она оглядела старый четырехэтажный дом, возле которого стояла. Часть окон была темной, но в большинстве горел свет, и все они были закрыты, а на некоторых были уже опущены роллеты. Обычный дом. Законопослушные бюргеры спокойно отдыхают. Но из какого-то из этих идиллических окошек ей на голову кинули пакет с песком, и только чудом она осталась жива.

– Что значит «не совсем»? Кончай говорить загадками! Кто там с тобой еще?

– Со мной – никого.

– Я не понимаю. Ты можешь, наконец, объяснить по-человечески? Что ты там делаешь?

– Я просто гуляла по городу.

– Палы-ёлы! – сорвался Макс на крик. – Да что произошло?!

– Произошло то, что в тот момент, когда ты мне позвонил, на меня сбросили пакет с песком.

– Пакет с песком? – переспросил Макс в крайнем изумлении.

– Да, тяжелый. И если б я не остановилась, чтобы вынуть телефон, он приземлился бы точно мне на голову.

– Блин! Ты серьезно?!

– Серьезнее некуда.

– Откуда? – спросил Макс внезапно охрипшим голосом.

– Что откуда?

– Откуда сбросили?

– Из дома, мимо которого я проходила. Больше неоткуда.

– А где ты сейчас?

– Я возле него и стою.

– Линяй оттуда по-быстрому! – заорал Макс. – Слышишь?! Давай оттуда!

Аня испуганно взглянула на дом. Что же она, в самом деле, стоит здесь, как идиотка? Надо бежать отсюда!

– Алло! – продолжал кричать Макс. – Ты что делаешь?! Ты почему там стоишь?! Говорю тебе: линияй оттуда!

– Все-все, – успокоила его Аня, – Я оттуда уйду, и она быстрым шагом пошла по улочке прочь.

– Выйди на какую-нибудь людную улицу, – продолжал инструктировать Макс, – и дуй скорее в отель! Он далеко?

– Нет, Макс – это рядом, в десяти минутах, если идти быстро.

– Это в каком-нибудь закоулке?

– Что «это»?

– Отель!

– Нет, он в людном месте. Не беспокойся.

– И вот еще что, Анюша. Шокер при тебе?

Аня опустила руку в сумочку и нащупала пластиковый корпус. «Тейзер» на месте, убойная игрушка.

– Да, Макс, и он заряжен, – ответила Аня, предупреждая неотвратимый следующий вопрос. – Хотя какой прок от шокера, если тебе на голову кидают пакеты с песком?

– Анюша, не дури! Что если на тебя нападут в толпе?

– Толпы тут не наблюдается, – ответила Аня.

– Покажи картинку. Ты что, опять кружишь по переулкам?!

– Почему «опять»? – не поняла Аня.

– Потому что манера у тебя такая! – отозвался Макс. – Любишь ты не прямым и удобным путем ходить, а зигзаги и петли выписывать.

– Люблю, – признала она, – что есть, то есть. Вот и чуть не довыписывалась...

– Стоп! Но, это значит, за тобой следили все время! Кому ты понадобилась? Ты там никаких дров не наломала?

– Ничего я не наломала, – ответила Аня, подумав, что Макс прав: за ней следили. Она вспомнила взгляд, который почувствовала на себе в кафетерии и того джинсового молодого человека в очках. «Да, – раздумывала она, – следили. С самого начала или нет»? С уверенностью ответить на этот вопрос она не могла, но ей казалось, что, во всяком случае, не с момента ее приезда в Бамберг.

– ... понимаешь?

Аня вынырнула из своих размышлений, и ей стало ясно, что Макс что-то говорил, а она его не слушала и потеряла нить разговора. Поэтому она ничего не ответила, надеясь от молчаться. Но от молчаться не удалось, так как Макс повторил:

– Ты понимаешь?!

– Да, я понимаю, – ответила она, надеясь, что Макс не будет дальше развивать эту, неизвестно какую тему, а заговорит о чем-нибудь другом.

Но ее надежды не оправдались.

– Что ты понимаешь? – раздраженно переспросил он.

– Все понимаю.

– Нет, ты меня просто изведешь! Ты опять не слушала! Снова в «глубоком погружении»?

– Ага.

Макс тяжело вздохнул.

– Короче, повторяю вопрос: ты, как всегда, ходила все время разными маршрутами?

– Да, – призналась Аня.

– То есть, вчера и позавчера ты этим таким-растаким переулком не ходила?

– Нет.

– Так откуда же они знали, что ты им пойдешь? Или у них эти пакеты с песком заготовлены везде, и мужики стоят наготове, поставив эти хреновы пакеты на подоконники, так чтобы по первому свистку... И у них же тогда должна быть система оповещения. Но это ладно, это не проблема. Ты мне вот что скажи: у них эти мужики с пакетами натканы по всему Бамбергу, так что ли?

– Не знаю, – смутилась Аня. – «В самом деле, странно. Надо подумать». Но подумать было некогда, потому что Макс непрерывно говорил.

– Прикинь, – продолжал он, – у них, надо понимать, какой-то наблюдатель висит над городом неизвестно на чем и поддерживает связь с этими кидальщиками пакетов. И вот он видит, причем, уже в темноте, что ты направилась в такой-то Teufelgasse⁵, в котором в данный момент безлюдно и передает кидальщику в этом переулке что-то вроде: «Объект идет к тебе. Товьсь!» И тот скидывает пакет. Так, что ли?

Аня представила себе воочию эту картинку, и у нее возникло ощущение ее абсурдности.

– Бред, да? – произнес Макс. – Ну, а как еще?

– Черт его знает! – признала Аня. – Действительно, как-то непонятно.

Аня задумалась было над этим, но Макс вновь сбил ее мысли.

– Аллю! Анюша! Ты уже возле отеля? – с тревогой спросил он.

– Уже подхожу.

К этому времени она вышла на оживленную улицу и, почувствовав невольное облегчение, ступила на финишную прямую.

– Поторопись!

– А можно без инструкций? – произнесла Аня с раздражением.

– Не сердись, пожалуйста, – без всякой обиды отозвался Макс. – Я волнуюсь.

– Извини, – сказала Аня примирительно. – Я уже вижу отель, – добавила она, быстрым шагом продвигаясь к цели.

И уже через пять минут она входила в холл.

– Все, Макс, – сообщила она, оказавшись в своем номере, – я пришла.

– Ты в номере?

– Да. Вот, смотри! – Аня обвела телефоном пространство вокруг себя. – Видишь? Я запираюсь изнутри.

– Хорошо, – выдохнул он.

И тогда Аня заметила, что на полу лежит бумажка с каким-то текстом. Она вспомнила, что, когда открывала дверь, ей показалось, что что-то упало на пол. Но ей было ни до чего, и в тот момент она не отреагировала, лишь мельком отметив это краем сознания.

Она подняла бумажку с пола.

– Макс, мне в номер подложили что-то странное.

– Что там?! – заорал Макс.

– Успокойся, это не бомба. Это записка. Она была засунута в дверь.

– Записка? – удивленно переспросил он. – Что за хрень? Кто сейчас пишет записки?

– Пишут, как видишь. Такая вот старомодность. Только, я думаю, сделано это не из любви к старине. И не от хорошей жизни. Электронная почта, эсемески и прочее – все это регистрируется, все это можно «поднять», посмотреть: кто, кому и откуда...

– Я понял, – перебил Макс. – Почерк мужчины или женщины?

– Почерк принтера.

– А-а! Все-таки стилистику до конца не выдержали! – Он хохотнул.

– По-моему, все это не смешно! – заметила Аня с обидой.

⁵ Чертов переулок (нем.)

- Извини, – ответил Макс, – это, наверное, на нервной почве.
- Да, – успокоившись, согласилась Аня, – наверное.
- Покажи мне, – попросил Макс.

Аня показала ему записку по телефону.

– Циферки – буковки, – вздохнул он. – А жаль! Старые добрые череп и кости, подпись кровью, и все такое – это я понимаю! Высокий стиль! Пускай и несколько консервативный, но хороший вкус!

Ну, что ты с ним будешь делать? Такой уж он есть, Макс. И, пожалуй, это к лучшему. Настроение немного поднялось.

– И что? – спросил Макс. – Думаешь, это на немецком?

– Это на тарабарском.

– О! Шифр! Это уже действительно...

– Кончай прикалываться! Это не шифр, а скорее, похоже на какие-то сокращения. Понять что-нибудь невозможно.

– Ну, почитай это на сон грядущий. Вдруг тебе во сне приснится разгадка. Анюша, – резко перешел он на серьезный тон, – я приеду, как только смогу. Постараюсь уже в субботу. Если не получится, значит, в воскресенье. Поездом, так быстрее. Давай адрес!

После того как Аня сбросила ему адрес отеля, Макс заговорил снова.

– Знаешь, Анюша, что я подумал? – начал он.

– Откуда же мне знать? Я не телепат.

– То, что ты юморишь, это хорошо. Держись! Мы и не в такие переделки попадали, верно?

– Попадать в переделки, это вообще наше хобби.

– Я бы сказал, уже профессия, – со смехом ответил Макс. – Но я вот о чем: может, тебе обратиться с этой запиской к дяде Саше? По-моему, самый момент, а?

– Может быть, – ответила Аня.

– Что ты собираешься делать дальше?

– Ждать, пока получу допуск, а потом...

– погоди, – прервал ее Макс, – какой еще допуск? Это что, архив BND⁶?

– Это церковный архив. Макс, я тебе потом объясню, ладно? Я жутко устала.

– Ну, спокойной ночи. Пока!

– Пока.

После того как Макс отключился, Аня уселась в кресло и положила записку себе на колени. Текст, распечатанный на принтере, выглядел загадочно:

RIVRNADSF: CRIE: B/17R:236P1/32

RVNBCACDODMSUNTCCLXI

FRZBNFRNCBTT

Аня вглядывалась в эти ряды букв и цифр, пытаясь понять хотя бы, о чем тут речь, но ничего не приходило в голову. Лишь где-то на самом краешке сознания трепыхалась какая-то мысль или ассоциация с чем-то. Ухватить ее никак не удавалось, но странным было то, что,

⁶ BND – Bundesnachrichtendienst – разведслужба Германии.

с одной стороны, это явно было что-то давнее, идущее чуть ли не из детства, а с другой – напротив, что-то совсем свежее, сегодняшнее.

«Вообще детский сад какой-то», – подумала она. Но это впечатление игры, которое производила записка, никак не вязалось с тем, что произошло сегодня в Старом Городе. «Мне очень сильно повезло», – продолжала размышлять Аня, – «что я вообще сижу здесь и ломаю себе голову над этим странным посланием, а не валяюсь в виде трупа с проломленной головой в морге». При этой мысли ее передернуло. «Но ясно», – раздумывала она дальше, – «что тот, кто подложил эту записку, естественно, рассчитывал на то что я ее прочитаю, и, следовательно, буду жива. А, значит, это не тот, или не те, что пытались меня убить. Из этого следует, что тут действуют, как минимум, две различные силы, вероятно, враждебные друг другу. Только действуют они как-то опереточно, что ли?»

Но то, что это не игрушки, Аня отчетливо понимала. Она угадывала за всем этим смутно различимые контуры чего-то по-настоящему серьезного. В опереточных декорациях игралась драма, а возможно, и трагедия.

«И, кстати», – подумала Аня, – «из того, что мне подложили эту записку следует, как минимум, еще один вывод: они, очевидно, рассчитывали не только на то, что я буду жива, но еще и на то, что я сумею эту тарабарщину понять, а иначе зачем...»

Аня чувствовала, что мысли начинают плясать, а глаза слипаться. Голова казалась тяжелой, как свинцовый шар. «Все, на сегодня более чем достаточно, – сказала она себе. Пора на боковую». Из последних сил раздевшись, она залезла в постель и тут же уснула.

Ночью она проснулась, внезапно поняв, с чем связывался у нее в сознании текст записки.

Аня даже удивилась, как она могла это забыть. Ну конечно, это похоже на то, о чем повествуется в рассказе Эдгара По «Золотой жук», который она прочла, когда ей было лет тринадцать. Там фигурировала записка, составленная пиратом Киддом. Она была зашифрована, но герой рассказа по фамилии Легран довольно легко «расщелкал» этот шифр. По его мнению, шифр был весьма незатейливым, из числа простейших. Но Ане он показался совсем не простым, и она открыв рот следила за тем, как Легран шаг за шагом расшифровывал текст. И вот записка, которую ей подложили, чем-то очень напоминала ту – из рассказа. Но, главное, эта ассоциация сработала как триггер – она потянула за собой другую, совсем недавнюю. Архив! Уж очень было на то похоже.

Она встала с постели и, включив свет, взяла со стола записку, после чего уселась с ней в кресло. Еще раз увидев текст, она окончательно утвердилась в своей догадке: «F» – это «фонд», а «P» – наверняка «страницы» – pages! В таком случае – E значит «опись», а R – «дело» или «папка». Да, почти наверняка. То есть, кто-то указывает ей, по крайней мере, в первой строчке, на какой-то архив! Но какой архив? Где он? Об этом, по всей вероятности, сообщают буквы слева. Но там не разбери поймешь!

«Хотя стоп!» – сообразила Аня. – «Буквы E и R говорят о том, что это не по-английски. Но это также и не по-немецки. По-каковски же тогда?» Это понять было невозможно. Можно, конечно, строить предположения, но где гарантия, что они не окажутся ошибочными? Так можно укатить вообще не в ту степь. Ане стало ясно, что придется обратиться за консультацией к дяде Саше. Приняв это решение, она погасила свет и отправилась в постель досыпать.

Дядя Саша, живший в Вормсе, не был Аниным родственником, и слово «дядя» было, в данном случае, просто вежливым обращением к представителю старшего поколения, хотя дяде Саше было всего 55 лет, и он был, по немецким меркам, еще далеко не старым человеком. Но когда они познакомились, Аня была еще совсем юной девчонкой, а отчества в Германии никто не употребляет. Так и оставалось только «дядя Саша».

По образованию он был филологом, и преподавал немецкий, английский и французский. Языки он знал блистательно и умел ясно и доходчиво, но вместе с тем ярко и оригинально объ-

яснить материал, раскрывая перед учеником самую суть. Заниматься у него Ане было очень интересно еще и потому, что он был широко образованным человеком и знал уйму всякой информации едва ли не обо всем, и, кроме того, был очень хорошим рассказчиком. Не последнюю роль играло и то, что у него было превосходное чувство юмора, что делало его интересным собеседником и вообще обаятельным человеком.

Он в свое время очень помог Ане, и не только с английским, и она с тех пор поддерживала с ним отношения. Время от времени, когда она сталкивалась с какой-нибудь особенно сложной проблемой, то обращалась к нему, и еще не было такого, чтобы дядя Саша в чем-то не разобрался. И Аня поняла, что это как раз случай для него.

Пока же ее ждали судебные отчеты инквизиции. Фрау Вайгель была совершенно права: это была такая информация, от которой действительно делалось тошно, и возникало ощущение, что ты падаешь в бездонную пропасть, источающую смрад и ужас. Перед читавшим этот кошмар представляла нескончаемая череда безмерной жестокости, человеческой, а, вернее, нечеловеческой, извращенности, злобы и низости. Ничем не сдерживаемое, неограниченное зверство.

Поражала невероятная изобретательность в причинении боли и страданий другому человеку, просто неистощимая фантазия в придумывании всевозможных пыток и казней. Эти отчеты представляли собой настоящую энциклопедию истязаний, среди которых были такие, которые Аня не могла себе даже вообразить. Она никогда бы не подумала, что подобное возможно и не могла понять, как такое вообще могло прийти в голову. Это было глубокое погружение в нечистоты того что мы называем цивилизацией.

Вопреки ожидаемому, то есть, типично немецкой канцелярской мороке, допуск был оформлен всего за два дня, что удивило бы Аню и, наверное, насторожило бы, если бы у нее было время над этим задуматься. Как бы там ни было, Аня решила отложить поездку домой, в Вормс, для встречи с дядей Сашей, а записку пока что оставить в покое, с тем чтобы вернуться к ней позже.

Всю пятницу она знакомилась с отчетами бамбергских судов над ведьмами. В начале она думала, что ограниченность ее познаний в латыни станет главной проблемой и опасалась, что это может ей серьезно помешать. Но на самом деле оказалось, что это как раз не составило большой трудности. Отчеты были скомпонованы по одной и той же единообразной схеме и были похожи друг на друга, что, конечно, существенно облегчало понимание. Главной проблемой стало другое: как выдержать этот поток ужасов? Не раз и не два, чувствуя себя совершенно подавленной всем тем кошмаром, о котором читала, Аня порывалась бросить все к чертям и оставить поиски. Но всякий раз она возражала самой себе: «Неужели потраченное время, физические и духовные силы пойдут коту под хвост? Нет! Раз уж я начала, то надо идти до конца».

Аня чувствовала себя обязанной раскопать все это еще и ради той женщины – своей пра-пра... много раз прабабушки, своей «Пра», как Аня стала ее про себя называть, которую осудили и сожгли на костре. Сожгли по лживому обвинению. Теперь, ознакомившись с судебными отчетами инквизиции, Аня в этом уже не сомневалась. И потом, был еще решающий аргумент – пакет с песком. Он уже никак не позволял ей бросить все и уехать. Так уж она устроена, Аня: чем сильнее ей мешают, тем упрямей и упорней она становится.

Поэтому она, образно говоря, взяла себя за шкуру и придавила к стулу, заставив себя читать следующий отчет. «Дело фрау Анны Ханзен», – прочла Аня. – «Тезка». Она открыла папку.

«17 июня: Заключена по подозрению в колдовстве». Просто по подозрению, и этого было вполне достаточно.

Для судов инквизиции принципы римского права были недействительны, тут в силе были особые принципы судопроизводства. Например, вместо привычной презумпции невиновности, тут действовала презумпция виновности. Обвиняемый считался виновным, пока сам не доказывал обратное. А как ты докажешь, что ты не ведьма или колдун?!

Подозрение, сплетня или оговор считались достаточным основанием для обвинения. Чтобы узаконить деятельность инквизиции, любое преступление – убийство, кража и так далее соединялось с ересью. Личность свидетелей не устанавливалась, а их показания, как правило, не доводились до сведения обвиняемого. Ватикан позаботился обо всем: еще в 1254 году папа Иннокентий IV своей буллой гарантировал анонимность свидетелей. Причем против еретиков допускались свидетельства кого угодно, в том числе лиц, чьи показания на прочих судебных процессах не рассматривались. Так, суды инквизиции принимали показания лиц, осужденных за лжесвидетельство, лишенных гражданских прав, малолетних детей и даже отлученных от церкви!

Мало того, если свидетель отказывался от своих показаний, его преследовали за лжесвидетельство, но его показания сохраняли силу! Кроме того, для полноты картины, свидетелям запрещалось давать показания в пользу обвиняемых, адвокаты, как правило, к участию в процессе не допускались, а судьями были сами же инквизиторы. Нетрудно понять, чем завершались подобные «суды»!

Аня читала «Дело фрау Анны Ханзен» дальше.

18 июня: Отказалась признаться. Подвергнута бичеванию.

20 июня: Подвергнута пытке тисками для больших пальцев. Призналась.

Ну, еще бы! Выдержать такую пытку мало кто может. Тут признаешься в чем угодно: в том, что ты оборотень и ешь маленьких детей, что вызываешь бурю, засуху, неурожай, и так далее. Причем, так называемая «предварительная пытка» чаще всего даже не упоминалась в отчетах, так как пыткой вообще не считалась, и несчастная, доведенная истязаниями до самоговора, считалась «признавшейся добровольно».

Теоретически, пытки допускались лишь в крайнем случае, но на деле использовались постоянно. Хотя, по закону, пытка не могла быть повторена, в реальности это совершенно игнорировалось. Так, распространенной практикой было проведение трех кругов пыток – их называли «сессиями».

В ходе допроса каждый обвиняемый должен был назвать имена «сообщников» или тех, кого он подозревал в ереси. Никакие апелляции не рассматривались. Наконец, вся собственность осужденных конфисковывалась.

«28 июня: Анне Ханзен зачитали ее признания», – продолжала читать Аня.

«30 июня: Добровольно подтвердила свои признания». Приговорена к смерти.

«4 июля: Оповещена о дате казни».

«7 июля: Обезглавлена и сожжена».

Скорость бамбергских судов была впечатляющей даже для того времени. Это был настоящий конвейер. Самый тяжелый период начался в 1609 году, когда князем-епископом стал фон Аусхазен – одиозная фигура, один из самых ретивых охотников на ведьм, который за время своего правления с 1609 по 1622 год сжег более 300 человек. Самым страшным был 1617, когда было сожжено 102 «ведьмы».

Однако «подвиги» Аусхазена совершенно бледнеют при сравнении с итогами деятельности его преемника – Готфрида-Иоганна-Георга Фукса фон Дорнхайма, прозванного «Ведьмовским епископом» – он спалил не менее 600 человек, причем он не считался даже с императором!

Люди разбежались из Бамберга кто куда. Многие бежали либо в близлежащую Богемию, либо в Регенсбург – ко двору императора. А те, кто мог себе это позволить, даже в Рим. И именно в это время погибла та, кого Аня искала – ее далекая прародительница, ее «Пра».

Она отложила «Дело Анны Ханзен» в стопку уже просмотренных, устало прикрыла глаза и откинулась на спинку стула. «Еще один, последний судебный отчет, и на сегодня хватит», – решила Аня и горько усмехнулась: «На сегодня, говорите. Ох»... Она чувствовала, что этого ей хватит на всю оставшуюся жизнь.

Открыв глаза, она взяла следующую папку. Когда она ее раскрыла, взгляд сразу выхватил имя: Агнесса. Аня почувствовала, как ее словно ударило током, сердце гулко застучало. «Агнесса»... Но ведь именно так звали женщину, о которой говорил Серж, когда они с ним в Шамборе сидели в машине под проливным дождем. Аня помнила это так, будто это было вчера. Серж тогда сказал Ане, что она очень похожа на некую Агнессу, которая жила в Бамберге и которая, по его словам, «умерла, погибла»; и добавил: «очень давно». Неужели...

– «Я на нее похожа», – подумала Аня. – «Так может, это значит, что мы в родстве? И та женщина, о которой говорил Серж, это и есть ее «Пра»?

Такое сходство через поколения случается, Аня это знала. Так кто эта Агнесса Штробль? Ее «Пра», или же их не связывают никакие родственные отношения?

Логика и здравый смысл подсказывали, что вероятнее второе, и вряд ли это ее «Пра»: слишком уж быстро она ее нашла. «Такие скорые находки в архивах маловероятны, – размышляла Аня. – Но ведь не исключены!» Так что же? Это «пустышка»? Ложный след? Или..? Интуиция молчала. Но было что-то еще, что не говорило «нет». Это «что-то» зашевелилось где-то глубоко-глубоко в душе, и она не могла его точно назвать. Может быть, это было именно то, что называют «голосом крови»?

И вдруг она вспомнила слова бабушки, когда та, незадолго до своей смерти, рассказывала двенадцатилетней Ане семейное предание. Бабушка сказала, что имя сожженной было утеряно, так как рассказ этот всегда передавался в семье из уст в уста и никогда не записывался. Но известно, что имя было не немецким, а латинским и, как выразилась бабушка, «с каким-то смыслом». «Это было «говорящее имя», – добавила она.

«Агнесса! Ведь это имя латинского происхождения», – подумала Аня, – «и оно действительно „говорящее“! „Agnessa“ по-латыни значит „агница“, „овечка“. Невинное создание, приносимое в жертву. Да, это имя со смыслом». Аню охватило волнение. Что это? Пустой номер или еще одно указание на «Пра»? Последнее ничем не подтверждалось, все это вполне могло быть совпадением. Факты не говорили ничего определенного – сведений было слишком мало. Интуиция продолжала молчать. Но угнездившееся в глубине души «что-то» оставляло надежду.

Обратившись к лежащему перед ней документу, Аня прочла: «Инквизиционное дознание по делу фрау Агнессы Штробль, супруги бургомистра, обвиняемой в колдовстве и магии⁷».

«Супруги бургомистра, вот как!» – раздумывала Аня. «Городской патрициат. Может ли эта женщина быть моей „Пра“? Ведь в семье всегда говорили, что наши предки в Бамберге были ремесленниками. Правда, теперь уже я точно знаю, что они были купцами, и лишь много позже обеднели и занялись ремеслом. Но все же – бургомистр! Это очень круто. Значит, что? Тупиковая линия?»

Но оставались сомнения. История про ремесленников, указывающая на принадлежность к «трудящимся», должно быть, была придумана в советские времена, от греха подальше. На самом же деле ее предки в Бамберге, вероятно, принадлежали к высшим слоям общества. Аня верила, да, наконец, просто чувствовала, что это так. Чувствовала и надеялась это подтвердить.

«Это только начало». – сказала она себе. «Здесь еще очень много вопросов».

Она вновь обратилась к тексту.

⁷ Порча (лат.)

«19 августа 1609: фрау Агнесса Штробль заключена по подозрению в ереси, колдовстве и малефиции».

Дальше пошел уже привычный кошмар. Но Аня почти сразу, едва ли не с первых строк, почувствовала, что тут присутствует нечто неординарное: такое, что придает этому делу исключительный характер.

Глава 3

ПЯТАЯ СТУПЕНЬКА

Сначала все шло вроде бы по обычной схеме.

«20 августа: Отказалась признаться. Подвергнута бичеванию.

«21 августа: Упорно отрицает вину. Повторно подвергнута бичеванию. Затем растянута на лестнице».

Уже тут обратил на себя внимание один момент: слишком уж интенсивный ход пыток и допросов, чрезмерное усердие палачей. Даже для бамбергских судов это было чересчур быстро. Складывалось впечатление, что инквизиторы находились в цейтноте и потому торопились, стараясь сломать Агнессу как можно скорее. Куда они спешили? Что так подгоняло их?

Чего они только с ней не вытворяли!»! К услугам заплочных дел мастеров был широкий «ассортимент» истязаний – уж в этом не было недостатка! Было из чего выбирать.

Аня, верная своему методическому подходу, сделала выписку, составив краткий перечень.

Пытки, применявшиеся инквизицией в Бамберге :

Основные :

- тиски для больших пальцев;
- ножные тиски;
- порка, как вариант порка в подвешенном виде;
- лестница;

Дополнительные и особые пытки :

- колодки с железными шипами (эта пытка могла длиться до шести часов);
- страппадо (усовершенствованная пытка сдавливанием);
- сильное трение шеи веревкой (шею протирали до кости!);
- погружение в ванну с ледяной водой;
- сжигание волос под мышками и в паху (часто с намазыванием их серой);
- «стул для молитв» – доска с остро отточенными деревянными кольшками, на которой пытаемый стоял на коленях;
- кормление соленой селедкой, при котором не давали воды
- горячие ванны с добавленем извести

Когда Аня перечитала этот список, ей стало нехорошо. Очевидно, она побледнела, и мужчина-архивариус это заметил и подошел к ней.

– С вами все порядке? – с тревогой спросил он.

Аня слабо улыбнулась.

– Да, все хорошо, спасибо, – ответила она, превозмогая легкую дурноту.

– Вы читаете отчеты судов инквизиции уже несколько часов, – продолжил мужчина, явно не поверив Ане. – Это материал, читать который в таких объемах небезвредно для душевного и физического здоровья. Я настоятельно рекомендую вам на сегодня ограничиться уже прочитанным.

Аня хотела было объяснить собеседнику, что нащупала кое-что интересное, но в последний момент удержалась от этого.

– Я прочитаю еще пятнадцать минут, – сказала она. – Хочу дочитать один документ, а затем последую вашему совету. Спасибо.

– Ну, смотрите.

Аня промолчала и вновь обратилась к тексту. Весь «основной список» попыток был применен к Агнессе, но и на второй день сломить ее палачам не удалось. «Как Агнесса могла все это вынести»? – задала себе вопрос Аня. – «Что поддерживало ее»?

Анино внимание привлекла к себе фигура главного дознавателя – некоего брата Ксаверия. Он был не из числа местных инквизиторов, а прибыл из Рима и был наделен особыми полномочиями. И хотя прямо это не говорилось, но из некоторых фраз можно было заключить, что он был доверенным лицом самого генерала Ордена иезуитов Клаудио де Аквавивы.

22 августа инквизиторы приступили к «прокалыванию». Этот трюк заключался в том, что у обвиняемой искали на теле «клеймо дьявола», которое тот якобы ставит на тех, кто заключает с ним договор. Обычно таковым объявлялось какое-нибудь родимое пятно. После чего это место прокалывали.

Дело в том, что то место, где находилось «клеймо», считалось нечувствительным к боли, и если при прокалывании этой точки обвиняемая не реагировала или слабо реагировала на боль, ее виновность считалась доказанной. При этом прокалыватели нередко прибегали к мошенническому приему: рукоятка иглы делалась полой, и в момент прокалывания игла убиравалась в рукоятку, не касаясь тела. Естественно, обвиняемая ничего не чувствовала и не вскрикивала от боли, и на этом основании признавалась виновной и приговаривалась к смерти. Если же родимых пятен не находили, то «клеймо дьявола» попросту считалось невидимым и таковым назначали любую точку тела. И вот, к Агнессе тоже решили применить эту процедуру. Дальше начиналось изложение ее хода, но тут был как раз конец страницы.

Аня перевернула лист и опешила: вся его обратная сторона была замазана чернилами. Было видно, что под этим черным слоем находились какие-то записи, но не более того. А дальше не было ничего, за исключением листка бумаги с машинописным текстом, сообщаящим, что «остальные документы дознания в отношении фрау Агнессы Штробль изъяты для приобщения к делу о внутреннем расследовании».

Так как ксерокопировать документы было нельзя, Аня переписала в свою тетрадь и это странное уведомление. «Кто и когда изъял остальные листы дела? Почему? – эти вопросы занимали сейчас Анины мысли. – Когда и кем было составлено машинописное уведомление? О каком „внутреннем расследовании“ идет речь? И самое главное: куда ушли документы, и где они сейчас?»

– Как видите, – сказала Аня архивариусу, сдавая ему обратно документы, – я последовала вашему совету. – И она улыбнулась.

Ответной улыбкой она не удостоилась. Вместо этого, архивариус окинул ее хмурым взглядом.

– Завтра мы не работаем, – сухо сказал он.

– Я знаю, – лаконично ответила Аня, недоумевая, чем он так раздражен. – Я уже здесь закончила.

В глазах архивариуса промелькнуло удивление.

– До свидания, – попрощалась Аня холодным формальным *Auf Wiedersehen* вместо дружеского *Tschüss*⁸, и отправилась домой.

По дороге она заглянула в тот зал, где работала фрау Вайгель, с тем чтобы еще раз поблагодарить ее за помощь, но той на месте не оказалось.

– Ее здесь нет, – ответила Ане та самая коллега, которую фрау Вайгель два дня назад просила ее подменить.

– Она сегодня не работает? – уточнила Аня.

⁸ *Auf Wiedersehen* – до свидания (нем.) *Tschüss* – пока (нем.)

– Нет, – коллега помотала головой.

– Но она будет в понедельник?

– Я не думаю.

– То есть? – опешила Аня. – Она уходит в отпуск?

– Что вы хотите? – спросила коллега вместо ответа. – Может быть, я могу вам помочь?

– Нет, благодарю. До свидания, – пробормотала Аня, почувствовав острую тревогу. Под ложечкой засосало.

Вдруг она опять ощутила на себе чей-то взгляд, и опять на нее смотрели откуда-то сзади и сбоку. Она быстро обернулась, но увидела лишь, как на ее глазах повернулась ручка только что закрывшейся двери.

На ватных ногах она вышла на лестничную площадку, оказавшись прямо перед лифтом. Зажегся световой сигнал, и дверцы раздвинулись. Стоявший поблизости молодой мужчина знаком предложил Ане первой пройти в кабину, но она, помотав головой, отказалась, сказав:

– Спасибо, я пешком.

На лестнице было безлюдно, что было совершенно естественно. Люди ленивы, и, по крайней мере, девяносто пять человек из ста предпочтут лифт. Но Аня насторожилась, боясь довериться окружающему пространству. Резные лестничные перила и узкие, крутые ступеньки в старом здании архива, в сочетании со слабой освещенностью, создавали ощущение, что ты идешь каким-то тайным ходом. В голове начали всплывать все те ужасы инквизиции, о которых она сегодня прочла. Не давала покоя мысль: «Что же произошло с Агнессой? Почему она попала в эту мясорубку?»

Спуститься предстояло на два пролета, а там уже вестибюль, где наверняка будут люди. Вздохнув, Аня двинулась вниз по лестнице. Она миновала один пролет, а затем начала спускаться по второму.

Едва она ступила на этот пролет, как почувствовала себя как-то странно: словно она тут уже была, и не раз, хотя до этого она по лестнице архива не ходила, а всякий раз пользовалась лифтом. Чувство необычности происходящего усиливалось по мере того, как она спускалась, и когда она достигла пятой снизу ступеньки, ее внезапно бросило в жар, все вокруг смазлось и искривилось, а затем завертелось перед глазами с невероятной скоростью, и свет люминесцентных ламп померк...

Очнувшись от минутного помрачения, Аня осознала, что все еще стоит на лестнице и держится за перила, но чувствовала она себя как-то странно, словно не узнавая саму себя. Посмотрела на свою странно длинную зеленую бархатную юбку и надетую под нее белую нижнюю юбку с красиво отделанным подолом. Потом бросила взгляд на бархатную с блестками парчи куртку и ее рукава-буфы с декоративными разрезами на них и, наконец, на руки, униженные перстнями с разноцветными камнями. Все было как будто, как всегда. Но вместе с тем она испытывала удивление и сомнение, словно что-то с чем-то не сходилось. Она – Аня? Кажется, ее зовут как-то иначе. Но как именно? Странно. А где-то на доньшке сознания вяло шевелилась мысль о каком-то архиве, описи, фонде. Что это такое, Аня не вполне понимала. Но, парадоксальным образом, ей казалось, что она должна это хорошо знать. И еще записка. Там было что-то важное...

– «Женщина уловляет дорогую душу мужчины»⁹ – сказано в Писании. И это поистине так, – донеслись до нее слова, произнесенные мужским голосом.

Аня осмотрелась. В лестничном павильоне она была одна. Внезапно она сообразила, что голос доносится через стену, к которой примыкает лестница.

⁹ Притчи Соломоновы

– Женщина – вот главный мирской соблазн: со времен Евы и до сего дня! – продолжал тот же голос.

– Низменное существо, созданное для искушения...

– Вы правы, монсиньор. Ее мысли заняты мирским, она тянет мужчину в болото греха и в конечном счете в ад. Они через одну ведьмы. Инквизиции предстоит еще немало трудов. Женщину надо смирить, вытравить из нее этот дар соблазна и обратить к небу.

От этих слов Аня вздрогнула и стала прислушиваться к разговору.

В доме епископа ей случалось бывать не единожды: под его патронажем она, вместе с несколькими другими женщинами из богатых патрицианских семейств, по воскресеньям и церковным праздникам занималась благотворительностью.

Вот и сегодня, в праздник Тела Господня, был один из таких случаев. Так как епископ был занят, она, закончив дела, напрямик направилась домой. При этом ей нужно было спуститься по лестнице, ведущей из верхних помещений на первый этаж.

Лестница, насчитывающая одиннадцать ступенек, примыкала к стене, по другую сторону от которой находился кабинет епископа фон Аусхазена. Иногда на лестницу доносилось говоримое там, но из благовоспитанности она никогда не вслушивалась, а напротив, старалась быстро, не останавливаясь, спуститься по ступенькам, тем более что те обрывки разговоров, которые она невольно успевала услышать, не содержали, как ей казалось, ничего интересного. Но на этот раз слова, достигшие ее ушей, заставили ее остановиться тут. Именно на пятой ступеньке, если считать снизу, слышимость была наилучшей, и Аня знала бы это, если бы обращала внимание на подобные детали.

– А разве талант даруется не Всевышним? – донеслось до Ани: очевидно, она, задумавшись, пропустила две-три реплики. – И талант этот служит делу Единой Святой Католической Церкви. Так же как и дарования Тинторетто и Веронезе. И божественный дар Тициана.

– Разумеется, Ваше Преосвященство.

«Вот как!» – поразила Аня. – «В доме кардинал!» – Она стала слушать более внимательно.

– Святая Римская церковь, – продолжал голос, в котором Аня узнала голос епископа, – смотрит на эти вещи совсем не так, как лютеранские еретики, отказывающиеся от искусства, от его колоссальных изобразительных возможностей! От его великой силы воздействия на умы и чувства и его способности проникать в мрачные бездны человеческой души, в ее самые темные интимные тайники. И потом, отказаться от этой красоты, этого великолепия! Поистине, это верх безумия.

– Но так и должно быть. Известно: «Кого Юпитер желает погубить, того он лишает рассудка». И они, себе на погибель, следуют внушениям Сатаны, который ведет их. Темны пути нечистого, но ясен конец – пламя преисподней.

– Храни нас Бог, Ваше Преосвященство.

– Храни нас Бог, – новый, третий голос, показавшийся Ане знакомым.

– Говорят, брат Ксаверий, что вы бывали в лютеранской кирхе. Это правда?

Теперь Аня вспомнила его – монаха-иезуита, с неделю гостившего в доме епископа.

– Да, монсиньор. Членам Общества Иисуса порою доводится, ради вящей славы Божией, жить и действовать в самых неожиданных и необычайных обстоятельствах, в том числе и обретаться среди врагов Господа.

– О да, я знаю. На Общество Иисуса ныне возлагаются большие задачи и большие упования. Орден сейчас – главная опора Церкви в этих тяжелых обстоятельствах, когда еретическая зараза охватила пол-Европы! На него наши надежды. Я имел удовольствие встретиться с монсиньором де Аквавивой, с которым мы обсудили эту тему. Кстати, не могу не сказать,

что он дал Вам чрезвычайно высокую оценку и подтвердил, что Вы пользуетесь полным его доверием. Но я помешал вам ответить толком на вопрос монсиньора епископа.

– Мне было лестно слышать то, что Вы сказали, Ваше Преосвященство. Отвечая же на вопрос монсиньора епископа, я повторяю: «да». Я бывал в лютеранских кирхах, и не единожды.

– На что это похоже, брат Ксаверий?

– Если Вам, монсиньор, доводилось бывать в амбаре, то Вы знаете, на что это похоже.

– О Господи!

– Это называется «дешевая церковь», так?

– Да, Ваше Преосвященство.

– И что же, там голые стены?

– Именно так, монсиньор.

Аня попыталась представить себе, как выглядит лютеранская кирха. Пустые стены: ни картин, ни скульптуры – вообще никаких изображений. Как странно! И правда, как в амбаре.

– Лютер ведь заявлял, что помещать картины и статуи в храмах это идолопоклонство. Не так ли?

– Совершенно верно, Ваше Преосвященство. Кстати, голландские еретики и бунтовщики в своей сатанинской ярости уничтожили великое множество ценных картин и статуй.

– Новые вандалы.

– Да, Монсиньор. Лютер говорил, что изображения мешают, отвлекают от главного – от Бога, от Иисуса Христа и что молиться кому-либо, кроме Всевышнего – это язычество. Они отвергают все, что не имеет опоры в библейских текстах. Как Лютер это сформулировал еще на имперском сейме в Вормсе в 1521 году: «*Sola fide, sola Scriptura, sola gratia Dei*».¹⁰

– Но все те изображения, что простецы видят, придя в храм, это Библия в картинках для них. Благодаря этому, они знакомятся с Писанием. Ведь подавляющее большинство прихожан неграмотны и незнакомы с библейскими текстами.

– Лютеранские и прочие еретики возражают и на это, монсиньор, говоря: «Так научите их грамоте! Пусть они сами читают Писание».

Услышав эти слова, Аня в душе не смогла с ними не согласиться, подумав, что это вполне разумно, и что, пожалуй, стоило бы так и поступить.

– Спаси и сохрани нас, Господи, от подобного! Не хватало еще только того, чтобы все читали Писание, да еще и каждый обладал бы священством. Ведь это катастрофа! Это крушение христианства, отход от его основополагающей картины мироустройства: во-первых, паства – малые сии, простые чистые души, боящиеся Бога и помышляющие лишь о спасении души, не смущаемой размышлениями и сомнениями, далее – пастыри – Святая Церковь и ее служители и, наконец, псы, эту паству стерегущие – светские власти.

– Боюсь, монсиньор, эта картина ныне уже столь далека от реальности, что может восприниматься исключительно как идеализация.

– Увы, брат Ксаверий, это так, и я согласен с Вами. Надо смотреть правде в глаза. Самообман – это та роскошь, которую мы не можем себе позволить. Дело зашло слишком далеко, и то, что обрисовал монсиньор епископ, ныне уже недостижимо.

– Но это именно та картина, к которой мы должны стремиться и которую мы должны держать в голове, осуществляя наши планы.

– Такая максималистская программа едва ли может быть реализована в наше время, Монсиньор.

¹⁰ Только чрез веру, только чрез Писание, только чрез милость Божию» (лат.)

– Я так не думаю, Ваше Преосвященство. Напротив, я полагаю, что именно такие, как вы выразились, «максималистские» цели мы должны ставить перед собой. А уж время и развитие событий покажут, насколько полно они смогут быть достигнуты в реальности.

– Ваше Преосвященство, монсиньор! Наши разногласия не должны ставить под сомнение наши общие цели и подвергать опасности наше дело. Я прошу Вас помнить об этом. Главное сейчас другое.

– О чем Вы, брат Ксаверий?

– О псах, Ваше Преосвященство. О псах, которые бросили паству и сцепились между собою, охваченные жаждой власти, стяжательством и гордыней.

– Хороши также и пастыри, – заговорил епископ. – Папа более озабочен делами мирскими, нежели отстаиванием истинной веры. Его мысли заняты итальянскими политическими дрязгами, меж тем как Святой Престол погряз в интригах.

Аня слушала с нарастающим чувством растерянности. Ее охватило смятение: такое говорится о Святом Отце! Чем же заняты головы у них – тех, которые должны думать о Боге, взгляд которых должен быть обращен к Небу?

– Ради присоединения к Папскому государству Феррары, – продолжал монсиньор епископ, – ради, округления, так сказать, своих частных владений, он готов примириться с еретиком Генрихом IV Наваррским – бывшим гугенотом! Хотя, каким там бывшим! В душе он как был им, так им и остался.

– Тут я с Вами полностью согласен, монсиньор! Павел V устраивает дела со своими земельными владениями, совсем как какой-нибудь мелкопоместный дворянин, как будто он не Христов наместник на земле...

– ...И как будто не вся земля есть удел Христов. Вы совершенно верно обратили на это внимание, Ваше Преосвященство! Такие слова в устах кардинала курии требуют большой смелости и свидетельствуют о том, что и на Ватиканском холме есть люди, наделенные ясным пониманием вещей.

– Более того, Монсиньор – готовые действовать. И я, так же как и вы, возмущен этим сближением с Генрихом Наваррским. Несомненно, что он перешел в лоно католичества лишь формально, исключительно для того, чтобы занять французский престол. «Paris vaut bien une messe»¹¹ – видите ли. Для него это, как плащ: холодно – надел, стало жарко – снял. Заняв трон, он своим богомерзким Нантским эдиктом предоставил гугенотам свободное отправление их культа. Поставил хранящих истинную веру на одну доску с еретиками! А Павел V, проводя дальше линию Климента VIII и продолжая отход от ориентации на Испанию, явственно настраивает Святой Престол на сотрудничество с Францией.

– Вот именно! С кем?! С тем, кого ждет осуждение и ад! Генрих уже свел во Франции суды над ведьмами, колдунами и оборотнями почти на нет. Несомненно, это по внушению Люцифера!

– Господи, помилуй нас, грешных!

– Ваше Преосвященство, Монсиньор. Я рад, что мы нашли общий язык. Да-да, именно «мы». Потому что у ордена есть тайный план.

О каком плане они говорят? Аню охватил страх. Она поняла, что стоять тут нельзя, что она совершила ошибку, остановившись на лестнице и прислушавшись к разговору, не предназначенному для чужих ушей, сомнительному и таящему угрозу, слушать который дальше становилось уже просто опасным. Что надо немедленно бесшумно уходить.

Но, несмотря на это, она продолжала стоять на том же месте, не в силах сделать ни единого движения, словно приклеившись к растреклятой пятой ступеньке.

¹¹ Париж стоит мессы» (фр.)

– Монсиньор де Аквавива, – заговорил кардинал, – во время нашей с ним беседы дал мне понять, что существует некий план – как я догадываюсь, весьма масштабный, имеющий своей целью восстановление позиций Церкви и истинной веры, и что Орден вскоре посвятит в него тех, кого должно.

– Именно так, Ваше Преосвященство – весьма масштабный. И, не скрою, чрезвычайно рискованный. Требующий дерзости. Но зато в случае успеха сулящий...

– Я понимаю. То есть, если я не ошибаюсь, речь, наконец, идет о переходе от слов к решительным действиям?

– Да, Монсиньор. Первоначальная идея была в общих чертах придумана покойным Его Величеством королем Испании Филиппом II незадолго до его кончины и доверена им Ордену в качестве политического завещания.

– А Орден разработал на ее основе план, так?

– Именно так. Условное название Плана – «Пальцы Сатаны». Суть его в следующем... Монсиньор, вы уверены, что нас никто не подслушивает?

Аню пронзил страх. Живот скрутило, а сердце застучало гулко и часто. Боясь пошевелиться, она замерла на пятой ступеньке.

– Можете быть спокойны, брат Ксаверий. В моем доме мы избавлены от наушников папы и императора, вроде этого Стефана Дельмонта. Крайне странный и скользкий тип.

– Стефан Дельмонт, вы сказали?

«Боже, они говорят о Стефане»!

– Да, Ваше Преосвященство.

– Кто это?

– Человек императора Рудольфа II. Разнюхивал тут все, повсюду совал свой нос. И ведь не арестуешь его! А я бы с удовольствием его спалил. К счастью, он уехал к себе в Прагу доносить обо всем патрону.

– Почему же вы не могли его арестовать, монсиньор?

– Вы шутите, брат Ксаверий? Арестовать личного представителя и доверенное лицо императора – это уже чересчур. Этого, увы, я себе позволить не могу.

– Жаль. Но, я надеюсь, это уже ненадолго.

– Вот как?

– Именно так. И, кстати, насчет императора. Он тоже – палец Сатаны. Вижу, вы меня понимаете, не так ли?

– Думаю, да. Иными словами – орудие.

– Конечно. Сам Князь Тьмы вне нашей досягаемости. Но для того, чтобы осуществлять свои богопротивные замыслы, он действует через своих агентов – еретиков, колдунов и прочих. Они – это как бы его пальцы, без которых он ничего не смог бы совершить. Так вот...

– Я вас понял: что, если эти пальцы отрезать? Так?

– Совершенно верно, Монсиньор!

– А прочие пальцы – это Генрих Наваррский, Иаков I Английский, Кристиан IV Датский, курфюрст Саксонский и прочие князья-еретики, не так ли?

– Да. И не только князья.

– Так, так. То есть, если я правильно понял, речь идет об их физическом устранении?

– Вы поняли правильно, Ваше Преосвященство. Это – первый пункт плана.

– Какой же второй?

– Но разве Вы, Ваше Преосвященство, не затронули эту тему в разговоре с Монсиньором де Аквавивой?

– Вы говорите об этих, так называемых, «чертях»?

– Я говорю о Пржежных.

То, что говорил брат Ксаверий в течение следующих десяти минут, вызвало у Ани непередаваемый страх и отчаяние, сердце ее зашлось от запредельного ужаса. Знание это было невыносимым, и она постаралась это забыть.

Разговор, между тем, продолжался. Ох, что за день сегодня – 15 августа 1609 года! Нет, нельзя это слушать! Аня сумела, наконец-то, сбросить оцепенение. Тихонько, стараясь ступать неслышно, она спустилась на пять оставшихся ступенек и оказалась перед дверью, ведущей с лестницы в вестибюль. Теперь оставалось лишь одно: бесшумно открыть и закрыть ее.

Она осторожно потянула ручку на себя. И когда проем уже открылся почти достаточно для того, чтобы в него можно было протиснуться, дверь предательски скрипнула.

Аня обмерла от ужаса...

...И тут контуры предметов потеряли четкость, размазавшись в пространстве и окутавшись зеленоватой дымкой. Закрыв дверь, Аня сделала несколько шагов и почувствовала, что прошла сквозь волну жара, ее сердце сильно застучало и к горлу подступила тошнота. Голова закружилась, и она вынуждена была, прикрыв глаза, присесть на стоявшую у высокого окна скамью. Просидев так, должно быть, минут десять или около того, она почувствовала себя лучше и открыла глаза. Роскошное платье исчезло, и все теперь было как всегда: блузка и белые бриджи. Не без труда Аня поднялась, медленно пересекла вестибюль католического церковного архива Бамберга и вышла через главный вход на улицу. С чувством облегчения она вздохнула, повернула направо и влилась в поток прохожих. Но тут кто-то положил тяжелую руку ей на плечо.

Глава 4

ОПАСНАЯ МЕШАНИНА

«Тейзер»¹² выхватывать было уже некогда, и Аня резким движением, как ей показывал Макс, с разворота нанесла удар локтем туда, где должно было находиться горло нападавшего. Но удар был отражен, ее рука была схвачена намертво, словно клещами. Сейчас противник заломит ей руку за спину, и...

Клещи расслабились, и Аню мягко повернули кругом.

– Ну, мать, ты даешь! – прозвучал хорошо знакомый чуть хрипловатый мужской голос – Ты мне чуть кадык не сломала! Я еле сумел парировать удар. Научил, понимаешь, на свою голову.

– Боже мой, Макс! Ничего лучшего не нашел, кроме как мне сюрпризы устраивать! У меня уже этих сюрпризов выше крыши. Долго думал?

Аня почувствовала злость, но в то же время она испытала безмерное облегчение оттого, что Макс здесь. И второе чувство было куда сильнее.

– Как хорошо, что ты приехал сегодня, – сказала она невпопад и уткнулась ему в грудь. – Ждать до завтра – с ума сойти как долго!

– Анюша, что тут происходит? – спросил он, заключая Аню в объятия.

– Теперь нас двое, – произнесла она вместо ответа, – и им будет не так просто до меня добраться.

– Кому «им»? О ком ты?

– Если б я знала!

– Так, – решительно заявил он, – давай выкладывай, что тут творится!

– Прямо здесь? Или, может...

– Ты говорила, – прервал ее Макс, – что нашла симпатичное кафе где-то поблизости.

– Да, – подтвердила Аня. – Хорошо. Пойдем туда.

Оба настолько устали и проголодались, что, заказав основательный ужин, с полчаса отдавали дань еде и отдыхали, перебрасываясь лишь короткими репликами, никак не относящимися к той череде странных и угрожающих событий, которую собрались обсуждать. И это было, пожалуй, естественно: Ане необходимо было отдохнуть от переживаний последних суток, отойти от стресса. Обеспокоенный и заинтригованный, Макс терпеливо ждал, тем более, что и сам он был утомлен поездкой и тоже нуждался в отдыхе.

Желая расслабиться и сбросить накопившуюся усталость, он заказал рюмку коньяку «Реми Мартен», к которому его приобщил Серж. Аня же привычно предпочла кофе.

– Чингачгук долго ждал, – сказал Макс, пригубив коньяк. – Чингачгук хочет знать.

– Ох Макс, – вздохнула Аня, – смешного тут мало.

– Кто смеется? Это во-первых. А во-вторых, рыдать и биться в истерике мы тоже не будем. Немного здорового юмора нам не повредит. Валяй, пора уже посвятить меня в это твое несмешное. Тем более, что соседние столики, как нельзя кстати, опустели.

– Здесь так много всего произошло, что я даже не знаю, с чего начать.

– С начала, – сухо подсказал Макс. – Начни с начала, а дальше – по порядку.

– По порядку – это проблема, – посетовала Аня. – Тут такая путаница! Куча-мала.

– Излагай в хронологическом порядке. Логический мы установим позже.

¹² Модель мощного австрийского электрошокера

– Боюсь, Макс, что это может оказаться сложновато, – заметила Аня не без едкости – его апломб раздражал ее.

– А ты не бойся. Разберемся как-нибудь, не сейчас, так потом. И, кстати, что ты решила насчет дяди Саши? Надумала обратиться к нему, или нет?

– Надумала, – ответила Аня, злясь на саму себя. «Что я, в самом деле, наезжаю на Макса»? – подумала она. – «Он прав: раньше или позже разберемся, куда денемся».

– И что?

– Я хотела съездить в Вормс на уикенд, чтобы зайти к нему. Я уже с ним по телефону договорила, но тут пошли события, а обсуждать такие вещи можно только при личной встрече.

– Вот и расскажи мне, какие такие события тут пошли. Начни с приезда.

– В первые два дня ничего не происходило. Я спокойно работала в муниципальном архиве. Я даже подумала еще: какая же это рутина!

– Что, тоскливо?

– Не без того.

– И как, что-нибудь там откопала?

Аня помотала головой.

– Нет, – ответила она.

– Совсем ничего?

– Государственные записи актов гражданского состояния начинаются только в конце XIX века. Поэтому муниципальный архив тут, по-любому, бесполезен.

– Что же ты в нем делала несколько дней?

– Искала родичей не по прямой линии, надеялась, что такие найдутся.

– Зачем они тебе?

– Их можно было бы опросить об их родне. Кто знает, может быть, нашлась бы какая-то ценная информация. В генеалогических розысках нельзя ничем пренебрегать. Всякое случается. Поэтому я выписывала Шереров и проверяла их.

– И что?

– Пусто – просто однофамильцы. Кроме того, их очень много – фамилия распространённая. И потом, фамилия, возможно, не раз менялась. Короче, я это отставила как малоперспективное.

– А по прямой линии?

– В Бамберге откопать моих родственников по прямой линии позже начала XVII века невозможно, потому что они тогда переехали в Регенсбург, а оттуда в XVIII веке эмигрировали в Россию.

– Но ты же до этого ездила в Регенсбург, так?

– Да. Там я как раз нашла своих предков. Первые записи с упоминанием моей родни относятся к 1650 году. Причем, указано, что они происходят из Бамберга. И записи эти имеются до 70-ых годов XVIII века, то есть, до их отъезда в Россию. А после их приезда в Россию у меня есть данные, которые я собрала у своих родственников.

– Короче, чем ты располагаешь сейчас?

– У меня есть сведения о родне по прямой восходящей отцовской линии с сегодняшнего дня и до 1650 года. Они были состоятельными горожанами. В некоторых случаях мне удалось найти дополнительные источники – купчие, налоговые ведомости, земельные кадастры, из которых я узнала, что мой предок Альбрехт Шерер, например, был членом правления гильдии торговцев шерстью в Регенсбурге, а Ханс-Георг Шерер, владелец стекольной мануфактуры – даже поставщиком двора баварского курфюрста.

– То есть, курфюрсты пили из его посуды, так? Выходит, они были никакими не ремесленниками?

– Получается, так. Но позже они обеднели.

– Так ты же офигенно много узнала! – Макс был впечатлен. – Такую работу провернула!
– Да уж, пришлось потрудиться! Начала с опроса тех, кто жив сейчас, а дальше постепенно углублялась все дальше в прошлое. И вот, дошла до 1650 года. Так что мое родословное дерево уже зеленеет. Знаешь, оно похоже на новогоднюю елку. Но там нет пока рождественского подарка, который кладут к ее подножию.

– Ты имеешь в виду свою «Пра»?

– Да.

– Полагаешь, она принадлежала к самым высшим слоям? Думаешь, если твои родители работают на заводе, то это – низкое происхождение?

– Нет, не думаю. Но я не могу забыть, как я чувствовала себя во время презентации в Лувре, когда на мне были эти одежды из бархата, атласа и парчи, эти перчатки с разрезами для перстней, эти камни – рубины, сапфиры, изумруды.

– Я понимаю...

– Нет, – перебила Аня, – не понимаешь. Дело не в том, что я этим упивалась, а в том, что я ощутила себя во всем этом совершенно естественно. Как будто я всегда это носила. И потом, эти слова Сержа...

– Про «высокую кровь»? Вижу, они на тебя сильно подействовали.

– Серж никогда ничего не говорит просто так. А главное...

И Аня рассказала Максиму о своем «путешествии» в 1609 год. Выслушав этот рассказ, Макс испытал острое беспокойство и тревогу.

– Значит, опять начинаются¹³, – со вздохом констатировал он, – эти «погружения» в иную реальность.

– Значит, так.

Макс пригубил коньяк и немного помолчал.

– Короче, – сказал он, – тебе, как я понял, нужно раскопать начало семнадцатого века, и доказать документально, что твоя «Пра» – жена бургомистра, так?

– Да. Ведь рассказ о попадании в прошлое на стол не выложишь! Именно поэтому я и копалась в муниципальном архиве Бамберга – надеялась, что какие-то родственники там обнаружатся, и их потомки живут в Бамберге. Может быть, они помогли бы мне прояснить начало XVII века.

– Но ты никого не нашла и решила эту линию поиска отставить. Так?

– Да, и обратилась в католический церковный архив Бамберга, но оказалось, что из-за Тридцатилетней войны записи утрачены.

– То есть, получается, что записей в Бамберге быть не может, потому что твои предки перебрались в Регенсбург. Так?

– Так.

– Но в Регенсбурге записи, относящиеся к этому времени, есть, и ты их нашла, верно?

– Да.

– А записи за начало XVII века, которые должны были бы быть в Бамберге, отсутствуют из-за Тридцатилетней войны, правильно?

– Получается, так.

– И что – тупик?

– Фрау Вайгель подсказала другой путь – судебные отчеты инквизиции.

– Надеешься найти в них свою «пра»?

– Да – потому-то я и читала их сегодня. Ох уж эти отчеты!

– Тяжелое чтение?

– Очень. Но, похоже, я не зря читала этот кошмар.

¹³ Об этом читайте в романе «Песок вечности»

– Что-то нарыла?

– Нарыла.

– Что?

– Нечто очень интересное. Об этом я тебе расскажу чуть позже.

– Ну, хорошо. А кто такая фрау Вайгель?

– Я уже к этому подхожу.

– Ладно. Значит, в первые два дня все было спокойно и даже рутинно. Так?

– Да.

– И ничего особенного не было, верно?

– Нет, не совсем, – спохватилась Аня, вспомнив про джинсового молодого человека в очках.

– Значит, что-то уже было. Что именно?

– Ну, был один момент. Короче, в муниципальном архиве со мной в читальном зале сидел молодой парень в джинсах и футболке.

– Действительно, удивительный наряд.

– Да не в том дело, – Аня досадливо махнула рукой. – Он был в очках.

– Тоже редкость.

– Кончай... – Аня собралась уже рассердиться на Макса, но вместо этого, прыснула.

– Короче, – продолжила Аня, отсмеявшись, – эти очки. Они были в красивой оправе.

– Подумать только!

– Макс!

– Анюш, извини, но можно немножко покороче и ближе к делу?

Теперь Аня уже рассердилась. Ей и так непросто: надо все упомянуть, ни о чем не забыть, потому что какая-нибудь мелкая, ерундовая, на первый взгляд, деталь может оказаться очень важной. Она старается собрать все, а он...

– Я упоминаю обо всем этом, – ответила Аня, стараясь сохранять спокойствие, – не от природной болтливости, а потому что тут настоящий винегрет из всяких странностей. Тут такая мешанина, что непонятно, с какого конца за нее браться. Чтобы ее распутать, нужно напрячься по-полной. И это опасная мешанина. Ты, кажется, уже забыл, что меня пытались убить.

– Анюша, я совсем не хотел...

– Дай мне, пожалуйста, договорить! Покороче не получится, потому что любая мелочь может здесь иметь значение, и мы не можем пока знать, имеет то-то и то-то отношение к делу или не имеет. Мне кажется, что тут какое-то сложное хитросплетение. Поэтому я буду рассказывать подробно. А ты слушай и включи машинку в голову. Я, конечно, обращусь к дяде Саше, но, возможно, мы с тобой и сами до чего-нибудь додумаемся.

– Хорошо, я понял. Машинка включена. Валяй дальше: все трое в очках, и...

– Да, в очках, – продолжила Аня, успокоившись. – Так вот, этот парень в очках. Впервые, эти очки подходили ему, как корове седло.

– Ну, мало ли. Может, просто оправка неподходящая, и всех делов.

– Нет, – убежденно возразила Аня, – дело не в оправе. Просто он выглядел как-то странно – неестественно. Понимаешь?

– В чем это проявлялось?

– Что-то не сходилось, такое было впечатление. Знаешь, я еще подумала тогда, что он совершенно не похож на «архивного юношу».

– Ну, это ни о чем не говорит – мало ли что? Хотя, – Макс задумался, – интуиция тоже что-нибудь да значит. Любопытно, конечно, но...

– Ты послушай дальше, – перебила Аня. – Эти очки всплыли еще.

И Аня поведала Максу о разговоре с фрау Вайгель в кафетерии и о «наблюдателе», следившем за ней.

– Вот как, – Макс посерьезнел. – Ну, а эта твоя фрау Вайгель. Как, по-твоему, она имеет ко всему этому отношение, или нет?

– Сначала я думала, что не имеет. Просто почувствовала симпатию ко мне и решила помочь.

– Прониклась, значит.

– Понимаешь, все выглядело очень натурально.

– В смысле, в начале была холодна и даже враждебна, а потом оттаяла и вошла в положение?

– Ну да. Она объяснила это очень убедительно – сказала, что ей понравился мой интерес к своим корням. А еще до того она спросила меня: «Значит, вы ищете свои корни»?

– И ты решила, что это было искренне. Так? А сейчас?

– Я и сейчас так считаю. Но теперь я думаю, что она может иметь ко всему этому отношение.

– Почему?

– Потому что она пропала.

– Не понял. В каком смысле?

– В самом прямом.

– Излагай.

Аня рассказала Максу и о странном поведении мужчины-архивариуса и о более чем странном разговоре с коллегой фрау Вайгель.

– Знаешь, – добавила она, закончив рассказ, – у меня не выходит из головы эта ее фраза.

– Кого «ее»? Фрау Вайгель?

– Нет, коллеги. Ну, когда я ее спросила, будет ли фрау Вайгель в понедельник.

– «Я не думаю». Это?

– Да.

– Думаешь, с Вайгель что-то случилось?

– Боюсь, что ее уже...

– Понятно, – Макс выглядел озабоченно. – По-моему, такое вполне может быть. Учитывая, что они уже совершили, как минимум, одну попытку убийства.

– И потом, опять этот взгляд!

– Да-да, я помню. Ты увидела только, как дверь закрылась и повернулась ручка.

Макс с мрачным видом отпил коньяк и побарабанил пальцами по столу. «Совсем как Серж», – подумала Аня. – Он определенно много набрался у Сержа и непроизвольно подражал ему.

– Да, – вздохнул он, – это не водевиль.

– Я еще не рассказала тебе о том, что именно я нарыла в церковном архиве.

Макс тяжело вздохнул.

– Ну, рассказывай, – сказал он.

Аня сообщила ему о странностях в деле Агнессы Штробль, о замазанной странице и об изъятии документов.

– И потом, записка, – добавила она после того как закончила рассказ. – С запиской надо разобраться.

Макс несколько минут сидел молча, крутя в руке недопитую рюмку и глядя на нее, а затем сделал основательный глоток.

– Ну, что вам сказать, фрау Шерер? – произнес он наконец. – У вас просто поразительный талант притягивать проблемы на свою филейную часть. А заодно и на мою.

– Что есть, то есть, – согласилась Аня, улыбнувшись.

– Если бы мы с тобой были нормальными людьми и руководствовались здравым смыслом, мы бы сейчас без долгих размышлений слиняли отсюда куда подальше. Например, в Италию, на море. И постарались бы выкинуть все это из головы. Но так как мы психи, то этот вариант отпадает. Я правильно понимаю?

– Совершенно правильно!

– Ну а раз мы ненормальные, то и будем действовать, как ненормальные.

– Что ты задумал? – встревожилась Аня. – Макс, не съезжай с катушек!

– Никто никуда не съезжает. Ну, разве что так – самую малость.

– О чем ты?

– Этот «следающий» вызывает у меня раздражение. Все это, конечно, захватывающе, интригующе и все такое. Но этот триллер мне надоел. Пора этого «молодого человека в очках» прояснить. Установить, так сказать, его личность. Слишком уж много загадок. Пришло время собирать пазл.

– Что ты собираешься сделать?

– Я собираюсь с ним познакомиться. Архив еще открыт?

– Макс, не сходи с ума!

– Что-то я не пойму! Бежать от опасности ты не хочешь, так? Но тогда надо идти ей навстречу. Или тебе нравится роль пешки в чужой непонятной игре? Да еще и смертельно опасной. Хочешь подождать, пока тебя убьют? Думаю, долго ждать не придется. Не удалось один раз, они повторят. И в этот раз уже постараются действовать наверняка.

Аня молчала, обдумывая то, что сказал Макс и примеряясь к ситуации и так, и эдак, но, в конце концов пришла к мысли, что Макс прав.

– Что конкретно мы будем делать? – спросила она.

– Ты посидишь здесь. В крайнем случае оплатишь счет за нас обоих. Рассчитаемся потом.

А я пойду.

– Не дури, Макс. Черт с ним! Пойдем вместе, и будь, что будет!

– Отговаривать тебя бесполезно, да?

– Совершенно бесполезно. Недаром же я экстремалка! В конце концов, у меня с собой электрошокер. Убедительный аргумент, сам знаешь.

Макс расплылся в улыбке.

– Это еще не конец концов, – произнес он. – У меня с собой еще более убедительный аргумент.

– Ты взял..?

– Именно: «Вальтер» ППК¹⁴.

– Но у тебя же только право на владение. Разрешения на его ношение у тебя нет.

– А у них есть право тебя убивать? – риторически спросил Макс, и Аня не нашлась, что ответить.

Все, как всегда, произошло совсем не так, как предполагалось.

Поскольку архив закрывался только через час с хвостиком, Аня и Макс решили спокойно закончить ужин и лишь затем отправиться туда. Они уже заплатили по счету, и теперь Макс не спеша допивал свой коньяк.

– Этот эликсир богов не пьют залпом, – заявил он, чуть ли не дословно цитируя Сержа.

Обычно это вызывало у Ани улыбку и мягкую иронию, но на этот раз она была слишком взвинчена и потому испытала раздражение.

– У богов, – съязвила она, – полно времени и нет наших проблем. Ты все-таки еще не небожитель, так что не воспаряй пока, а лучше спустись на землю. У нас есть кое-какие дела.

¹⁴ «Вальтер» – полицейский пистолет короткий;

– Можете издеваться, сколько хотите, фрау Шерер, но вам этого понять не дано. Аня вскипела от негодования.

– Куда уж мне... – начала она гневную реплику – и осеклась, внезапно вновь почувствовав на себе знакомый пристальный взгляд.

– Вот именно, – ответил Макс, – куда уж...

– Макс! – прервала его Аня. – Опять.

– Что «опять»?

– Говори тише. Опять этот взгляд.

– Тот самый? – очень тихо, чуть ли не одними губами спросил Макс.

– Да.

– Ты уверена?

– Да.

– Сиди спокойно. Не дергайся и не поворачивайся.

– Угу.

– Как ты чувствуешь, откуда он смотрит?

– Он за моей спиной, но не прямо за ней, а наискосок.

– Справа? Слева?

– Для меня слева.

– Так, – произнес Макс после паузы, – вижу.

– Кто это?! – вырвалось у Ани.

– Тихо! – осадил ее Макс и улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься?

– Ты ничего не заметила, – продолжал Макс. – Все спокойно. Мы мирно беседуем.

Понятно?

– Понятно.

– Это молодой мужик. По виду ненамного младше нас.

– Парень в очках, так?

– Ну, пусть парень – ответил Макс, – Но никаких очков на нем нет. А на «архивного юношу» действительно не похож, что да, то да.

– Но он в джинсах и футболке?

– Он в рубашке и пиджаке.

– Может, это не тот...

– Это тот, – перебил Макс и остановил свой взгляд на чем-то или на ком-то слева сзади от Ани.

Повисло тягостное молчание. Аня чувствовала себя, как на иголках. Но ощущение взгляда пропало: «наблюдатель» уже не смотрел на нее, очевидно, встретившись глазами с Максом. Ее терпение было на пределе.

– Послушай... – начала она, но Макс не дал ей договорить.

– Встает из-за стола, – сказал он, продолжая неотрывно глядеть в ту же точку.

Но вот Макс начал поворачивать голову, несомненно, следуя за перемещениями наблюдателя, а затем, в свою очередь, поднялся из-за стола.

– Анюша, – произнес он, – ты пока посиди. Я сейчас, – и направился к выходу из зала.

Аня поднялась и двинулась следом за ним.

– Не вздумай идти со мной! – громким шепотом цыкнул на нее Макс, скорчив зверскую гримасу.

– Я буду держаться сзади, – так же шепотом ответила Аня, – на расстоянии.

– Не подходи ближе, чем сейчас! – добавил Макс и решительно повернувшись, быстро зашагал вперед.

Аня пошла следом. Впереди нее шел Макс, а перед ним маячила спина неизвестного. Он явно направлялся в сторону туалетов.

«Сейчас он зайдет в мужской сортир, – с нервным смешком подумала Аня, – и я так и не увижу ничего, кроме его спины». Но случилось по-другому.

Они уже подходили к туалетам, когда Аня увидела, как Макс достал свой «Вальтер» и наставив его на неизвестного, произнес какие-то слова. Аня их не расслышала, но догадалась, что это было требование повернуться, так как неизвестный вдруг резко остановился и сделал разворот кругом.

Увидев его лицо, Аня сразу узнала джинсового парня, который сидел вместе с ней в читальном зале муниципального архива, несмотря на то, что на нем были брюки, рубашка и пиджак, и он был без очков.

Она подошла к обоим мужчинам, стоявшим напротив друг друга, и ее поразило выражение лица наблюдателя, потому что на нем безошибочно читался страх.

– Скажи мне, мил человек, – кто ты такой есть? – проникновенно спросил его Макс по-русски, уткнув ему ствол пистолета в бок и глядя на него почти ласково.

Аня удивленно посмотрела на Макса.

– А он тоже из России, – пояснил тот Ане. – Правда, земляк?

«Земляк» сглотнул, и на лице его появилось страдальческое выражение.

– Чего вы хотите? – выдавил он. – Говорите прямо!

– Я прямо и спрашиваю тебя, дорогой товарищ: ты кто?

– Значит, вы не из Интерпола? – произнес наблюдатель тоном полувопроса-полуутверждения. На лбу его выступил пот.

– Какой, к чертовой бабушке, Интерпол, вьюноша? Не заговаривай мне зубы! Что тебе нужно от моей девушки?

– А! Вот, значит, как вы хотите это подать!

– Что подать? О чем ты?

– Значит, вы оттуда, – сказал земляк; и в тоне его и в выражении лица к страху примешалась неприязнь.

– Да-да. Мы все оттуда. И все туда. Прямым ходом: оттуда – и туда. Давай поговорим спокойно... – закончить фразу Макс не успел – земляк нанес резкий удар ребром ладони по его запястью, пытаясь выбить пистолет.

Однако Макс, хотя и с трудом, но удержал «Вальтер» в руке. Тогда парень ударил его ногой под ребра. Макс глухо вскрикнул и согнулся от боли. Пистолет упал на пол и заскользил по направлению к наблюдателю, но Аня носком своей кроссовки направила его назад, к Максиму. Увидев это, парень скрылся в туалете.

Макс поднял «Вальтер» с пола и с трудом, явно преодолевая боль, разогнулся.

– Топай в отель и жди меня там, – кинул он Ане и открыл дверь мужского сортира.

Дверной проем открылся буквально на какие-то пару секунд, но Аня успела увидеть вытянутые ноги наблюдателя, лежащего на кафельном полу. В этот момент посыпались шаги, женский смех, и Аня зашла в дамский туалет. Встав перед зеркалом, она стала приводить себя в порядок, стараясь выглядеть спокойно и беспечно. Между тем, она услышала, как хлопнула дверь мужского туалета, а затем – удаляющиеся шаги. Это Макс? Выдержав паузу, Аня с равнодушным видом вышла в коридор и направилась к дверям кафе. Хотя нервы ее были на пределе, она старалась идти спокойным шагом. Когда она была уже у выхода, возле туалетов зазвучали возбужденные голоса – там начиналась суматоха. Земляка обнаружили? Он жив или нет? Макс ли вышел из туалета? Если да, то где он? А если нет, то... Думать дальше не хотелось.

Аня вышла на улицу. Прохожих было немного, и здесь царило спокойствие. «Ненадолго», – подумала она. – «Скоро сюда подкатит полиция. Надо быстро уходить. Дикость какая-то! Я ведь ничего незаконного не совершила!» Но оставаться на месте было нельзя. Аня нервно

осмотрелась, кинув взгляд налево, затем направо – в оба конца улицы. Макса не было. Аню охватило отчаяние, сердце сжалось.

Вдалеке послышался вой сирены, который быстро приближался. «Уже? – подумала Аня. – Так скоро»? С трудом сбросив оцепенение, она энергичным шагом пошла к отелю.

В холле отеля не было никого, за исключением девушки за стойкой регистрации. Аня «на автомате» прошла к лифту, вызвала его и нажала кнопку четвертого этажа. Она словно отупела. Мыслей не было, и она находилась в каком-то сомнамбулическом состоянии. Только выйдя из лифта на своем этаже и подойдя к двери номера, она вдруг сообразила, что забыла взять на «ресепшен» ключ. «Придется опять спускаться в холл», – подумала Аня и собралась уже поворачивать обратно, но, следуя рефлекторному побуждению зачем-то потрогала дверную ручку.

Совершенно неожиданно та свободно пошла вниз, дверь приоткрылась, и изнутри полился приглушенный свет. В недоумении Аня толкнула дверь и вошла в полуосвещенный номер.

В кресле спиной к ней кто-то сидел.

Глава 5

ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

В первый момент Аня оторопела и застыла на месте. С минуту она в растерянности просто стояла у двери, тупо глядя на неожиданного визитера, не решаясь ни на что. Затем она стала вглядываться в затылок сидящего, находившегося в тени – вне конуса неяркого света, который отбрасывал торшер.

Потом она осознала странность поведения гостя – тот никак не отреагировал на то, что кто-то открыл дверь и вошел в номер. «Может, это Макс, – мелькнула мысль, – в своем стиле, валяет дурака»? Но синяя птица надежды, взмахнув крылом, отлетела. Аня уже видела, что это не он. Чем дальше она вглядывалась, тем все более настойчиво в ее голову стучалось самое простое и естественное объяснение тому, что она видела, пока, наконец, на экран ее сознания не выплыло короткое и пугающее слово.

Ну конечно, только труп может сидеть, не шевелясь и никак ни на что не реагируя. Аня попыталась сглотнуть, но в горле пересохло, и ей это не удалось. Все же это усилие помогло: Аня смогла, наконец-то, сдвинуться с места и, зажав нервы в кулак, приблизиться к креслу и обойти его спереди.

В кресле сидела фрау Вайгель. Глаза ее были широко открыты, слишком широко, и навывкате. Ее явно задушили, что, уже совершенно бесспорно, подтверждала странгуляционная полоса¹⁵. Но более всего обращали на себя внимание ее руки: в левой она держала незаполненный бланк запроса на архивные материалы, а в правой – сумочку, ту самую, которая была у нее в кафетерии. Сумочка была раскрыта и словно приглашала заглянуть в нее. Внутри был листок бумаги с каким-то текстом. Еще одна записка? Аня выхватила бумажку, ожидая вновь увидеть тарабарщину букв и цифр. Но на бумажке был лишь распечатанный на принтере простой и короткий текст на немецком: «Фрау Вайгель с понедельника в отпуске».

Машинально сунув записку в карман, Аня поднесла руку ко рту и побежала в ванную. Только она пустила воду, как ее вырвало. Смыв рвоту, Аня умылась холодной водой и глянула в зеркало. Из рамки на нее смотрело бледное, растрепанное существо с испуганными, затравленными глазами, в котором она с трудом узнала себя.

«Боже мой, – подумала она, – во что я превратилась»? Еще два дня тому назад все было привычно-спокойно, и даже скучновато. О! Как она радовалась бы этой рутине, если бы каким-то волшебным образом удалось в нее вернуться! Но, увы, это невозможно.

Макс прав: она просто как магнит притягивает к себе проблемы, и немелкие. У нее в гостиничном номере в кресле сидит труп. И скоро сюда нагрянет полиция, идя по следу из кафе, где уже нашли первого покойника. Аня теперь почти не сомневалась, что «наблюдатель» мертв. Свидетели видели там их с Максом и покажут, что они пошли вслед за покойным к туалетам. Полиция выйдет на них очень быстро. И где Макс – неизвестно. Может быть, его уже задержали? Или с ним случилось что-нибудь похуже? И не позвонить! Телефон – в сумочке, а сумочку Аня оставила в комнате. А там – мертвец. Как туда войти?

И вот явятся полицейские, а у нее в номере труп человека, с которым она была знакома, и это тоже быстро установят и, в добавок, еще и выяснят, что она разыскивала убитую. И как ты докажешь, что ты не верблюд?

¹⁵ Странгуляционная полоса – след на шее от удушения; от термина «странгуляция» – удушение.

Торчать в ванной дальше было невозможно, от слабости у Ани подгибались ноги. Необходимо было присесть. Собрав силы, она вышла из ванной. Стараясь не смотреть в ту сторону, где стояло кресло с трупом, она сконцентрировала взгляд на диване, к которому и направилась. Бежать не было сил, да это и бессмысленно – далеко ей не уйти.

Сигнал поступил от бокового зрения: что-то было не так в обстановке. Аня повернула голову.

Кресло под торшером было пусто.

Сначала Аня подумала, что это «глюк». Только непонятно было, когда именно она галлюцинировала: тогда, когда увидела труп, или сейчас? «Вероятно», – думала она, – «мне так хотелось, чтобы никакого трупа тут не было, что сработало самовнушение, и мозг выдал желаемую картинку. А может, наоборот, я «глючила» тогда, когда увидела труп? Но стоп! Ведь я трогала ее сумочку! Или это – тоже галлюцинация?

Она подошла к креслу вплотную и, зажмурившись, протянула руку. Рука не встретила никакого препятствия. Тогда Аня продвинула ее дальше. Рука уткнулась во что-то твердое. Аня в страхе открыла глаза. Она стояла, уперев руку в спинку кресла. Тогда она заглянула под кресло, затем под диван. Наверное, она заглянула бы и под кровать, если б та была на ножках, но днище кровати покоилось непосредственно на полу. Только что, еще каких-нибудь пять минут назад, она страстно желала, чтобы никакого трупа у нее в номере не было, чтобы произошло чудо, и труп волшебным образом исчез бы.

И вот это чудо произошло – труп испарился. И теперь ей словно хотелось, чтобы он материализовался вновь, и она обшаривала комнату в поисках его. Ей, видите ли, непременно требовалось узнать, куда же он девался, как будто это было сейчас для нее главным. «Ты еще в мини-баре посмотри», – произнес голос у нее в голове. – «Может, ее запихали туда»? Аня попыталась выкинуть из головы эту идиотскую, издевательскую мысль, но какая-то сволочь внутри все нашептывала ей: «А ты все-таки туда загляни. И потом, не забыть бы еще про мусорное ведро».

Она открыла мини-бар, перевернула мусорное ведро, проверила еще раз шкаф и антресоль над ним, заглянула за шторы. Ничего не обнаружилось.

Тогда Аня решила позвонить Максиму. Взяв телефон, она села на кровать и попыталась с ним связаться, но Макс оказался вне доступа. И тут, внезапно почувствовав слабость и озноб, она свернулась на кровати, накрылась одеялом и через какое-то время провалилась в сон.

Фрау Вайгель была просто несносна и все время подкалывала Аню.

– Вы должны быть весьма продвинуты, милочка, – язвительно произнесла архивщица, глядя на Аню с издевательским прищуром. – Позвольте полюбопытствовать, что у вас было по странгуляции?

Аня почувствовала, что краснеет от стыда.

– «Отлично», – пробормотала она в крайнем замешательстве. Ей хотелось плакать от обиды.

– Позвольте вам не поверить! – заявила фрау Вайгель с невероятным сарказмом. – Вы ничего не смыслите в странгуляции. У вас в Саратове правильно душировать не умеют.

– Неправда! – вскипая от негодования, выкрикнула Аня прямо ей в лицо. – У нас умеют еще лучше! У нас университет!

– И сколько часов вы прослушали?

– Много! Больше, чем вы думаете!

– А! – фрау Вайгель с пренебрежением махнула рукой. – Пустыня цивилизации.

– Это ложь! Пустыня цивилизации это Америка!

– Это у вашего Сержа Америка – пустыня цивилизации! Что он понимает?

– Он понимает все! Правда, Серж? Скажите ей!

Серж побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и, отпив из рюмки коньяк «Реми Мартен», со своей неподражаемой иронией произнес:

– Что с ней разговаривать, Анечка! Она и при жизни-то в странгуляции смыслила, как испанская корова¹⁶. А что уж говорить теперь. Вы посмотрите, Анечка – она же мертвая! И, я бы сказал, уже протухшая.

– Но это не я ее задушила! – в отчаянии закричала Аня.

– Разумеется. Вы, простите великодушно, пока еще не вполне владеете этим искусством.

Но при ваших способностях это придет со временем.

– Но кто-то ведь ее задушил!

– Только не говорите мне, что он учился странгуляции в гимназии!

– Какой вы странный сегодня, Серж...

– Вовсе нет. Но, прошу вас, скажите мне откровенно: Анечка, зачем вы засунули мадам Вайгель в мини-бар?

– Я не хотела. Так получилось...

– У тебя всегда получается какая-нибудь дрянь! – заявила с ухмылкой Зинаида – старшая из теток Макса. – Ты ничего не умеешь!

– Да плюнь ты, Зин! – отозвалась младшая тетка, Тамара. – Что с нее взять – с этого ходячего недоразумения? Надо ж было додуматься: засунуть уважаемого человека в такой дрянной холодильник!

– Анюш, ты, правда, зачем ее туда засунула? – Макс смотрел на Аню с мягкой укоризной. – Она испарилась!

– Бесследно?! – обрадовалась Аня.

– Нет!!! – заорала фрау Вайгель страшным голосом. – А записка?! Куда ты денешь записку?!

– Спасибо вам за помощь, фрау Вайгель.

– Не стоит меня благодарить, милочка – я с понедельника в отпуске.

– Анюша, – произнес Макс, – какая записка?

– Про отпуск.

– Не понял. Какой отпуск? Анюша! Ты меня слышишь?

Светильник на потолке был включен, и Аня почувствовала раздражение: свет бил в глаза.

– Неужели нельзя запомнить! Я сколько раз просила не включать верхний свет без надобности! Зачем эта иллюминация?

Аня приподнялась на локтях.

Макс сидел на краю кровати и смотрел прямо ей в глаза.

– Макс... – произнесла Аня.

Она ощупала его плечо, а потом взяла его за руку, словно опасаясь, что он тоже исчезнет.

– Это ты?

– Я, я, – заверил Макс, – во плоти и крови.

– Тебя не арестовали, слава богу.

– Почему меня должны были арестовать? – удивился он. – С какого такого перепугу?

– Ну как же?! После того, что произошло в кафе.

– А что там произошло?

– Как что?! Наблюдатель ведь умер! Или нет?

– Наблюдатель? А-а! Тот мужик, который за тобой следил! Земляк.

¹⁶ Из французского выражения: Il parle français comme une vache espagnole. – Он говорит по-французски, как испанская корова.

– Откуда ты узнал, что он земляк?

– А я сразу это заподозрил – больно рожа у него не западная! Ну, я ему и сказал по-русски, чтоб он остановился и повернулся, а не то я его пристрелю. И он живенько отреагировал! Потом я проверил: точно, русский. Но с немецким «Персональаусвайсом¹⁷». Его фамилия Сиваков.

– Ты что, посмотрел его документы?! – удивилась Аня.

Макс кивнул.

– Когда?

– В туалете. Когда я туда вошел, он уже лежал на полу. То есть, пока я подобрал пистолет, разогнулся и дотопал до двери сортира, он успел травануться.

– Он отравился?

Макс опять кивнул.

– Ты уверен?

– Уверен. У него губы посинели, а на щеках специфический такой румянец. Ну, и запах миндаля. Короче, все признаки отравления цианистыми соединениями.

– То есть, он принял цианистый калий?

– Ну да.

– Значит, ему нельзя уже было помочь?

– Ты издеваешься? Это «калий-це-эн»! У него уже глаза застыли. Я, для порядка, все-таки пощупал ему шею – пульса, конечно, не было уже.

– Самоубийство... Но почему?

– Я так понимаю, что произошло недоразумение – он принял нас за кого-то, представлявшего для него смертельную опасность.

– Смертельную?

– Именно – иначе он не стал бы травиться. Выходит, так он боялся оказаться у них в руках. Похоже, мы попали, в чьи-то очень серьезные разборки.

– Но полиция...

– Что полиция?

– Они должны быстро выйти на нас!

– Не знаю, что они должны, но прошло уже шесть часов, и...

– Шесть часов?! – пораженно перебила Аня. – Не может быть!

– Да, шесть, и даже чуть больше. И никому мы пока что не нужны. Но если и придут, то что с того? Мы никого не убивали, и вообще, мы не совершили ничего противоправного.

– Но...

– Ну, что «но»?

– А пистолет?

– Но ведь он отравился.

– А твои отпечатки?

– Какие отпечатки? На чем?

– Ну, на его документах.

– Аусвайс его я взял бумажной салфеткой.

– А незаконное ношение?

– Ношение чего? Кто видел у меня пистолет, кроме тебя? – пожал плечами Макс. – И вообще, это мелочь. К твоему сведению, он не заряжен. Так что его можно квалифицировать как муляж, или пугач.

– Он не заряжен?! – изумилась Аня. – Почему ты мне об этом сразу не сказал?

– А зачем?

¹⁷ Personalausweis (нем.) – удостоверение личности.

- То есть, – смутилась Аня, – как это «зачем»? А если бы...
- Если бы что?
- Ты давно пришел? – спросила Аня вместо ответа.
- Уже больше четырех часов, как я здесь.
- И куда ты пошел из кафе?
- Я отошел в неприметное место, чтобы не светиться, и стал ждать тебя.
- Куда же ты делся потом?
- Никуда. Я там и стоял.
- Почему же ты ко мне не подошел?
- Но ведь я ясно сказал тебе идти в отель, не дожидаясь меня. Или нет?
- Сказал. Но мне стало так страшно, когда я вышла и увидела, что тебя нигде нет.
- Я видел, как ты вертела головой, осматривалась в тоске. У меня даже под ложечкой защемило. Но дело в том, что за тобой кто-то следил.
- Опять?!
- Да. Он пошел за тобой. А я пошел за ним.
- Кто это был?
- Мужик. Он довел тебя до отеля, но внутрь не вошел, а остался снаружи.
- А потом?
- Подъехала машина, он сел в нее и сорок минут сидел в ней, а потом они уехали. Тогда я, выждав еще пять минут, поднялся к тебе. Номер машины я, конечно, запомнил: мало ли. Может пригодиться. Номер, кстати, не немецкий, а итальянский.
- Итальянский?
- Да.
- Ты видел еще что-нибудь?
- Нет. Когда я вошел, ты спала. Я тоже задремал в кресле.
- Услышав слово «кресло», Аня вздрогнула. Ведь был же еще труп фрау Вайгель. Теперь Аня уже не сомневалась в том, что никаких галлюцинаций не было.
- Почему ты меня разбудил?
- Ты металась туда-сюда, с кем-то бурно дискутировала во сне, выясняла отношения. Сначала слова невозможно было разобрать, но потом ты совершенно отчетливо прокричала слово «записка».
- Прокричала? – удивилась Аня.
- Да, – подтвердил Макс, – диким голосом, так что у меня мурашки побежали по спине. «А записка?! Что ты с ней сделаешь»?! Ну, я решил, что пора тебя разбудить.
- Аня молчала.
- Что за записка, Анюша? Это та, которую тебе подложили? С набором букв и цифр?
- Нет. Это другая.
- И Аня рассказала Макс о том, что произошло в ее гостиничном номере. Макс был ошарашен и не сразу поверил.
- Театр абсурда какой-то! Слишком уж это смахивает на галлюцинацию. А скорее, на сон. Особенно эта безумная записка. Она, вероятно, приснилась тебе. У тебя размылась граница между сном и явью – это бывает от переутомления. Спутанное сознание.
- Записка про отпуск была! – убежденно сказала Аня.
- И где она?
- Тут что-то мелькнуло у нее в голове. Она засунула левую руку в карман – пусто! Аню начало лихорадить. Оставалось последнее: она опустила в карман правую руку. Записка была там.
- «С понедельника фрау Вайгель в отпуске», – расправив ее, вслух прочел Макс.

Он сглотнул и, подняв от записки глаза, посмотрел на Аню. Во взгляде его сквозила тревога и озабоченность.

– Веселые картинки, – прокомментировал он. – Я вижу, дела тут еще круче, чем я думал. И, главное, непонятно, кто и зачем это делал. Столько трудов – ради чего?

– О чем ты?

– Ну, ты прикинь: принести каким-то образом труп в гостиницу, занести его в номер... И, кстати, каким образом? Потом унести его – опять же, куда? И как?! И чтобы никто не видел. Я уже не говорю о том, что нужно было убить эту фрау Вайгель. Похоже, что им убить человека это все равно что комара прихлопнуть. Но ладно, оставим пока моральную сторону в покое. Как это чисто технически можно было проверить? И, повторяю: главное – зачем? Так заморачиваться, чтобы устроить представление для одного зрителя? Не слишком ли?

– Наверное, они хотели меня запугать, – предположила Аня, – вынудить меня уехать и бросить расследование.

– Стоп! Какое еще расследование?! Ты тут накосячила?

– Ничего я не накосячила! – возмутилась Аня. – Я отыскивала свою родословную – я за этим и приехала.

– Никогда не думал, что генеалогические исследования могут привести к такому фейерверку! Ты точно все мне рассказала?

– Господи, да, Макс! Да! Мне все-таки кажется, что меня хотят затерроризировать. Чтобы я плюнула на все это и укатила...

– На что на «все это»?

– На дальнейшие поиски в архивах. Очевидно, я невольно вышла на след чего-то...

– Чего?

– Если б знать! Вероятнее всего, информации, которая может кому-то серьезно повредить.

– «Серьезно повредить»? Но ведь это все – «преданья старины глубокой»! Уже кости все истлели! Кому это может повредить?

– Но смотри: попытка убийства – тот пакет с песком, ведь это же чудо, что я осталась жива! Это раз. Дальше – самоубийство этого русского. Сивакова, да?

Макс кивнул.

– Так, – продолжила Аня, – это два. Наконец, убийство фрау Вайгель – это три. И это только то, что нам известно. Ведь это факты! Не просто так же они все это делали, должна быть причина. Я уже не говорю о слежке. Но, конечно, особенно этот спектакль с трупом фрау Вайгель. Для чего он мог быть нужен? Я вижу только одно возможное объяснение: попытка запугать. Ты можешь что-то еще предложить?

– Трудно сказать, – ответил Макс. – Мы знаем слишком мало. Но, согласись, это странно, непоследовательно: сначала тебя пытаются убить, а потом, вместо того, чтобы повторить попытку, с тем чтобы, наконец, добиться результата, начинают пугать. Где тут логика? И кстати, запугать можно... Как бы это сказать – куда более экономным способом. Я бы, уж скорей, предположил, что, подбросив тебе труп в номер, тебя хотели подставить, и таким образом, выключить из игры.

– Но я же ни в какие игры не играла.

– Но они могут этого не знать и думать, что ты в игре. Но тогда совершенно непонятно, зачем труп убрали! Фигня какая-то.

Макс задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Разве что... – начал он.

– Ну, что?

– Да так, мысли всякие, не важно. А что та, первая записка? Можно на нее взглянуть?

– Можно смотреть сколько влезет! – прокомментировала Аня, отдавая записку Макс. – Был бы от этого толк.

Увидев текст своими глазами еще раз, Макс смог только почесать нос в недоумении. Несколько минут он рассматривал записку так и эдак, а потом махнул рукой.

– Темно зело, – пробормотал он.

– Вот-вот, – отозвалась Аня. – Без дяди Саши нам тут не разобраться.

– Ну, что же? Тем лучше! Съезжай отсюда и отчаливаем в Вормс, – заключил Макс.

Открыв свою сумку, он расстегнул один из внутренних кармашков и извлек оттуда обойму с патронами. После этого он достал из кармана брюк «Вальтер» и заменил в нем пустую обойму полной.

– Ты уверен, что это необходимо? – спросила Аня.

– Думаю, так будет лучше, – ответил он, ударом ладони вгоняя обойму в рукоятку.

В кабинете дяди Саши ничего не изменилось за те полгода, что Аня здесь не была. Взгляд встречал давно знакомые предметы, и на сердце становилось теплей. Здесь все было привычно. Картины и фотографии на стенах. В углу у окна компьютерный стол, в ячейках и на полочках которого в неизменном порядке стояло и лежало множество самых разнообразных вещей: флэшки, множество ручек и карандашей, лупы, всякие канцелярские принадлежности и даже зажигалки, хотя дядя Саша давно бросил курить.

Сверху, над компьютерным монитором, стояли фотографии в рамках. На них был запечатлен дядя Саша на фоне французских и немецких готических соборов. Эти фото были экспонатами одной из многочисленных коллекций хозяина. «Я по натуре своей коллекционер», – объяснил он Ане как-то раз. – «Большая часть моих собраний более-менее традиционна: монеты, значки, марки и прочее в таком роде. Но эта коллекция несколько необычна. Дело в том, что я коллекционирую... готические соборы». «Виртуально»? – спросила Аня. – «Нет», – сказал дядя Саша, – «вполне реально». И, в ответ на Анино удивление, пояснил: «Я приезжаю и осматриваю соборы. Созерцаю их в разных перспективах и при различном освещении, снаружи и внутри. Провожу в них какое-то время, сидя на скамье и размышляя. Погружаюсь в их ауру, проникаюсь их духом. И в заключение фотографируюсь с ними вдвоем, на память». – «Вдвоем»? – переспросила Аня. «Именно», – ответил он. – «Например, – и дядя Саша взял с полки одну из фотографий – вот эта: Мы с Шартрским собором». Или вот: – «Мы с Реймским собором, «Мы с Амьенским собором, Мы с Кёльнским собором и так далее. Часть их стоит тут, часть – в гостиной». «И сколько их всего»? – спросила Аня, пораженная. «В общей сложности 24». «А вот это где»? – поинтересовалась она, показав на один из снимков. Дядя Саша взял фото в руки и улыбнулся: тут он был снят в серебристом плаще, с элегантным шарфом и в зеркальных темных очках на фоне очень красивого собора, фотографий которого Аня прежде не видела. «А этот снимок я называю «Герцогом Орлеанским», – продолжая улыбаться, ответил он. – Хотя моя супруга предпочитает другой вариант: «Джеймс Бонд в Орлеане». «Это потому что в темных очках»? – спросила Аня. «Ну да, и вообще, весь из себя такой стильный», – усмехнулся дядя Саша.

При этом воспоминании юности Аня улыбнулась, а затем вздохнула. Хотя компьютер был, разумеется, уже другим, «Герцог Орлеанский» в желтой рамке по-прежнему стоял там же, где и всегда, и точно так же неизменно пребывал на своем месте воткнутый в карандашницу длинный резной деревянный мундштук ручной работы – реликт «дымной эпохи», как шутил дядя Саша.

И только Анино сердце было не на месте, и ее душевный раздрай резко контрастировал с этим комфортным и умиротворяющим антуражем. Вздохнув и собравшись с духом, Аня выложила дяде Саше все, что произошло с того момента как она приехала в Бамберг. Обе записки она, по ходу своего повествования, также передала ему. Он внимательно рассмот-

рел их, вначале невооруженным глазом, а потом – при помощи луп: сперва обычной, затем с большим увеличением и подсветкой. После этого он развернулся к компьютерному столу, на котором, помимо стационарного компьютера, находился ноутбук. Аня знала, что ноутбук был нужен для работы в интернете, так как большой компьютер не был подключен ко всемирной паутине. «Тут стоят все мои тексты. На нем я работаю», – объяснил как-то раз дядя Саша, – «Не дай бог, вирус! Я этого не переживу».

Он зашел в Сеть очень ненадолго, молниеносно шерстив два или три сайта, а затем открыл «Мультилекс» и что-то уточнял в нем. Повернувшись обратно к Ане, он попросил ее рассказывать дальше, добавив, что о записках скажет в свое время.

После того как она закончила, дядя Саша пару минут сидел молча, раздумывая о чем-то.
– С чего начнем? – наконец спросил он. – Что ты хотела бы узнать в первую очередь?

– Про охоту на ведьм, – ответила Аня неожиданно для самой себя, словно это было сейчас для нее самым важным. – Я хочу понять, почему творился этот ужас. Я до сих пор не могу прийти в себя от того, что прочитала. Как такое могло случиться?

– Да уж, – вздохнул дядя Саша, – отчеты судов инквизиции – это чтение еще то...

– Откуда вообще взялась эта инквизиция? – спросила Аня. – С чего началась охота на ведьм?

– Охота на ведьм началась в XIII веке. Именно тогда пошли массовые преследования за колдовство, которые вскоре приняли характер истерии.

– Что же тогда произошло?

– Видишь ли, было время, когда Церковь не признавала реальной возможности колдовства! Ты удивлена?

– Честно говоря, да. Это как же?

– Да вот так уж: до XIII века вера в колдовство считалась ересью! Церковь тогда придерживалась того мнения, что колдовство, шабаши, полеты на палках или метлах и тому подобное существует лишь в воображении или во сне. Именно эта точка зрения закреплена в знаменитом каноне *Episcopi*, который считался наиболее авторитетным документом по этой теме.

– Канон? – переспросила Аня. – Что это такое?

– Канон – это некое суждение, решение или постановление, признанное достаточно авторитетным для того, чтобы быть включенным в свод законоположений Церкви, то есть, канонического права.

– А что это за канон «Эпископи»? О каких епископах тут речь?

– Считается, что этот канон был принят капитулом епископов на Вселенском соборе 314 года в Анкире – это нынешняя Анкара. Тогда это была еще Римская империя. И этот канон был очень авторитетным.

– А потом?

– Начиная с XIII века положение радикально меняется. Позиция Церкви в этом вопросе теперь диаметрально противоположная: теперь уже неверие в колдовство считается ересью.

– Почему так получилось?

– А потому, что именно начиная с XIII столетия Церковь стала быстро терять позиции, утрачивая свое доминирующее положение в обществе. Социальные отношения, культура, жизненный уклад стремительно обмирщались. Средоточие общественной и культурной жизни переместилось из стен монастырей в города, испытавшие тогда мощный подъем.

– Да-да, *le beau Treizième siècle*¹⁸ – воскликнула Аня. – Как я могла забыть!

– Совершенно верно. Европа вступала в новый этап своего развития: начался процесс, называемый урбанизацией. Сельская община начала разрушаться, паства стала меняться.

¹⁸ Прекрасный тринадцатый век (Фр.)

Рычаги управления выскальзывали из рук. Мириться с этим церковь не желала и задалась целью восстановить свою былую роль и удержать уплывающее влияние. Добиться этого можно было лишь создав обстановку чрезвычайного положения, провозгласив состояние войны.

– Они хотели вернуть все в прежнюю колею, понятно. Но это же невозможно!

– Добиться этого «всерьез и надолго» невозможно, – согласился дядя Саша, – но можно этого добиться на какое-то время. Остановить колесо истории не получится, равно как и закрыть его в обратную сторону. Но вполне можно его малость подкрутить назад. Понимаешь?

– Да.

– Итак, война, – продолжил он. – Но для этого требовался враг. Кто мог им стать? Эту роль сыграли в свое время и евреи, и мусульмане, и тамплиеры. Но орден тамплиеров уничтожили, с изгнанием крестоносцев из Святой земли и изменением экономической ситуации крестовые походы против мусульман заглохли. Евреев то громили, то изгоняли, но они оставались чужаками, меньшинством, маргинальной группой. К тому же, евреи были необходимым звеном в экономической жизни Европы, и поэтому хотя их периодически изгоняли, все равно через некоторое время возвращали. Короче говоря, евреи не тянули на полномасштабного врага. Кроме того, враг нужен был такой, чтобы его хватило надолго – на века. Казалось бы, где же его взять? Но Церковь не растерялась: она такого нашла. Врагом назначили... думаю ты уже сама поняла, кого.

– Да, – вздохнула Аня. – я поняла. Врагом была назначена женщина.

– Конечно, – согласился дядя Саша. – Тут нашел свое выражение традиционный антифеминизм Церкви, заимствованный у древних переднеазиатских сообществ. Собственно, ничего нового, по сути, придумывать и не нужно было, так как Церковь всегда видела в женщине врага.

– Но почему?! – возмутилась Аня.

– А потому что женщина гораздо теснее связана с реальным миром, с его заботами и проблемами. Ей приходится гораздо чаще заниматься повседневными делами: детьми, семьей, хозяйственными вопросами, короче говоря, мирским. Именно поэтому женщины более рациональны и прагматичны, чем мужчины, то есть, по церковной терминологии, менее духовны, более суетны. По этой же причине женщины редко бывают фанатичны. Они очень нечасто основывают какие-либо духовные движения, религии или секты, и редко становятся их видными фигурами. У них мозги заняты другим – реальной жизнью. Они и мужчин отвлекают от всякой идеологической дури и мути и возвращают их к реальности – по-церковному, «тянут в болото греха». Это первая причина враждебности Церкви по отношению к женщине.

– Это, значит, еще не все... – горько усмехнулась Аня. – Что же еще?

– Женщина – это соблазн. Ну, ты понимаешь... Сексуальность, зов плоти. Могушественный инстинкт, с которым ничего нельзя поделаться. Против которого не попрешь, потому что это природа, естество. И от этого никто не свободен – никто!

– И инквизиторы тоже...

– И они тоже. И епископы, и кардиналы. И сам папа римский. Как говорится, «*homo sum, homini nihil a me alienum est*».

– «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

– Да. Но слово «*homo*» значит также и «мужчина».

– То есть, «я – мужчина, и ничто мужское мне не чуждо» – так?

– Так. И каждый мужчина против этого «зова плоти» бессилен. И зависим от него, какое бы положение, пусть самое высокое, он ни занимал. Все мужчины – игрушки и заложники вожделения, объектом которого является женщина.

– Поэтому они ненавидят женщин... – грустно произнесла Аня.

– Многие – да. Ненавидят и мстят им за это вожделение, которое они к ним испытывают.

– То есть, мстят им за то, в чем они не виноваты.

– Да. И никто не виноват.

Аня молча откинулась на спинку стула и отвернулась к окну, уткнув взгляд в городскую стену тринадцатого века, вид на которую открывался из кабинета дяди Саши.

– Боже, какая, все-таки, мерзость этот мир! – опустошенно произнесла она.

Глава 6

ПСЫ ГОСПОДНИ

Дядя Саша посмотрел на Аню сочувственно.

– Вот к какому выводу, оказывается, могут привести генеалогические исследования. Кто бы мог подумать!

И он усмехнулся.

– А что, разве не так? – спросила Аня.

– Это чересчур категорично, – не согласился дядя Саша. – С неменьшим основанием можно сказать и: «Какая прелесть этот мир»!

Аня промолчала. Меньше всего сейчас ей хотелось затевать дискуссию. Похоже, что собеседник разделял это нежелание, потому что не стал разводить философию, а вернулся к теме разговора.

– А насчет того, откуда взялась инквизиция... Впервые о «должном наказании» за ересь заговорил папа Люций II в 1144 году, а впоследствии Люций III учредил первую епископскую инквизицию. Причем, все чиновники обязаны были с ней сотрудничать под угрозой отлучения от церкви.

– Борзо они за это взялись, я смотрю.

– А как же! Правда, вскоре выяснилось, что эти местные инквизиторы не справляются с задачами.

– Надо же. Какая досада!

– В самом деле. Ну, и тогда Иннокентий III стал назначать инквизиторов прямо из Ватикана. При этом он своей буллой 1199 года наделил их правами и полномочиями более широкими, чем те, которыми располагали местные власти, от которых требовалось подчиняться папским назначенцам. Эти требования были впоследствии усилены в булле «Excommunicamus», то есть «Мы отлучаем», где папа запугивает чиновников угрозой отлучения от церкви. А в 1233 году папа Григорий IX поручил инквизицию Ордену Святого Доминика,

– Доминиканцы, то есть *Domini canes*: «Псы Господни».

– Именно, – покивал головой дядя Саша. – Причем, инквизиторы из числа доминиканцев назначались лично папой и отвечали только перед ним.

– Какие сволочи! Господи прости, – в сердцах произнесла Аня; ее охватил гнев. – Неплохо они все устроили!

Дядя Саша отрешенно смотрел в никуда, а потом покачал головой.

– Не согласны? – спросила его Аня. – «Слишком категорично»?

– Нет, – ответил он, – не слишком. Они отбросили всякие рамки, отчаянно пытались удержать свое положение. Церковь тогда теряла верующих в большей части Европы, особенно в наиболее высокоразвитых и богатых областях – в Южной Франции, в Нидерландах, в богатых городах Северной Франции и на Рейне. Оно и понятно.

– Вы хотите сказать...

– Чем выше уровень благосостояния, тем выше уровень культуры и просвещения. Существенно то, что от Церкви отошли самые зажиточные и влиятельные элементы.

– Куда же они уходили? Становились безбожниками?

– Кто-то – да. Но в основном они пополняли ряды всевозможных сект и различных неортодоксальных религиозных движений.

– Катаров, альбигойцев... – задумчиво проговорила Аня. – Ну да.

Дядя Саша посмотрел на нее с интересом.

– И их, в частности, – согласился он. – По-любому, они переходили в оппозицию официальной Церкви. Современник писал, что «почти все бароны стали укрывателями и защитниками еретиков».

– Вот плохиши! Не давали трудягам-инквизиторам работать, лишали их маленьких радостей – сжечь всех, кого они наметили.

– Инквизиция сама, как правило, никого не казнила.

– То есть, как это? – удивилась Аня.

– Хотя инквизиция располагала собственными тюрьмами и пыточными камерами, которые она же обеспечивала соответствующим персоналом, сама она редко выносила приговоры и совершала казни. Еще в 1231 году было введено положение, согласно которому инквизиция передавала осужденных для казни светским властям. При этом она демонстрировала свое «милосердие».

– В кавычках? – уточнила Аня.

– Естественно. Это было фиглярство, жуткое лицемерие. Формулировка была такая: «Мы настойчиво просим светский суд смягчить ему, или ей приговор, чтобы можно было избежать кровопролития и опасности для жизни».

Аня была шокирована. Ей казалось, что после всего того, что она успела узнать о деятельности этого учреждения, ничто уже не могло ее потрясти. Но она ошиблась: бездна оказалась еще бездонней...

– Боже мой, как это отвратительно! – сказала она. – Как будто погружаешься в кучу дерьма, простите, дядя Саша.

– Можешь не извиняться, это еще мягко сказано. Между прочим, если светские власти действительно смягчали приговор, то их обвиняли в «потворстве еретикам». Но вот что особенно важно отметить, так это материальную сторону дела.

– Ну да, конечно, – вздохнула Аня. – Денюжка.

– Да, деньги – согласился дядя Саша. – Всегда и везде деньги. Прежде всего, все имущество осужденного, независимо от того, был он казнен или нет, конфисковывалось. Далее, в ходе допросов требовалось в обязательном порядке назвать «сообщников»...

– Да, я помню.

– Таким образом обеспечивался дальнейший приток средств, и формировалась материальная заинтересованность.

– И кому же шли деньги?

– По-разному. Иногда добыча делилась между епископом и светскими правителями, а бывало и так, что все прибирала к рукам местные инквизиторы. Причем, жадность их доходила до того, что они порой даже забывали поделиться с чинами инквизиции в Риме.

– То есть, с начальством, так?

– Совершенно верно. Между прочим, конфискация была настолько массовой, что немногим более чем за сто лет инквизиция истощила все основные источники дохода. Один инквизитор, некий Эймерик, писал в 1360 году: «В наши дни больше нет богатых еретиков», и чуть далее: «...достойно сожаления, что такое полезное учреждение, как наше, должно быть так не уверено в своем будущем».

– «Полезное учреждение», – произнесла Аня, – неплохо. Эх, жаль, что я не пью, сейчас бы это не помешало.

– Сейчас это просто необходимо, – поправил ее дядя Саша, вставая. – Подожди пять минут, – добавил он и вышел из комнаты.

Оставшись в одиночестве, Аня стала рассматривать книжные полки, занимавшие всю стену напротив окна. Книги на четырех языках: русском, французском, английском и немецком – стояли тесно одна к другой и всегда поражали Аню невероятным разнообразием своей тематики. При всем при том, здесь находилась лишь меньшая часть библиотеки, основная часть

которой занимала три застекленных шкафа в гостиной. И эти книги стояли тут не для декора, все они были прочитаны и обдуманы владельцем.

– Иногда бывает нужно выпить даже непьющим, – сказал дядя Саша, вернувшись с небольшим подносом, на котором, помимо двух рюмок, красовался изящный графинчик красного стекла.

Аня узнала его, поскольку ей уже приходилось с ним встречаться, и не сомневалась, что это все та же, любимая хозяином, вишневая настойка. Она улыбнулась: дядя Саша, как всегда, знает, что делает. Сейчас это было так кстати!

– Давай выпьем по рюмочке для прочистки мозгов, – произнес он, наливая рубиново-красную жидкость. – Prosit!

– За здоровье! – отозвалась Аня и отпила настойки.

Вкус и аромат вишни сразу заполнил собой чувственное пространство, проникнув, как показалось Ане, в каждую клеточку тела и каждый закоулок души. Как-то сразу на душе стало спокойнее: рубиновая жидкость убедительно напомнила о том, что в мире далеко не все так уж плохо и, пожалуй, в самом деле, слова «жизнь прекрасна» имеют под собой некоторое основание.

– Что, полегчало? – спросил дядя Саша, водружая пробку графина на место.

– Да, – разулыбалась Аня. – Спасибо.

– Спасибо ты скажешь потом, – возразил дядя Саша, – если благополучно выкарабкаешься из переделки, в которую ты попала. Надеюсь, моя скромная помощь окажется тебе полезна.

– Дело так серьезно?

– Ты ведь сама это понимаешь, правда?

Аня промолчала.

– Итак, записки, – начал дядя Саша. – Сначала первая.

Он разложил записку на столе.

– Скажу сразу, – продолжил он, – что твоя догадка об архиве верна. У меня нет сомнений в том, что в первой строке тебя направляют в архив, где, предположительно, могут находиться те самые документы, которые были изъяты из судебного отчета.

– Вы так думаете? – оживилась Аня.

– Думаю, да. Что, если не это? А что касается внутреннего расследования, то, подозреваю, что речь идет о расследовании в отношении самого дознавателя...

– Брата Ксаверия?! – возбужденно перебила она.

– Вероятно так.

– Но в связи с чем?

– Не могу знать. А предположениями своими я могу только навредить, сбив тебя с толку. Слишком мало пока информации. Но, очевидно, там, куда тебя направляют, она имеется.

– Только вот где этот архив? – произнесла Аня с досадой.

– Где он – понятно, – сказал дядя Саша.

– То есть, – поразила она, – вы поняли, что там написано слева?

– Понял, – ответил он. – Это было не так уж сложно. Но меня беспокоит вся эта история, я уверен, грязная и опасная. Ты подвергаешь себя серьезному риску. Тебя уже чуть не убили.

– Но кто они?

– Этого я не знаю. Но я согласен с Максом в том, что труп фрау Вайгель подложили тебе с целью тебя подставить и таким путем вывести из игры.

– А зачем же они тогда его убрали?

– Ты же умница, Анечка! И не спорь, это факт! – замахал он руками. – Так почему же тебя тут стопорит? Не пойму. А ведь это легко сообразить: труп убрали совсем не те, кто его туда принес, а их противники или конкуренты.

– Те, которые составили первую записку?
– Возможно. Повторяю: здесь запутанный клубок, и распутать его будет нелегко.
– Одни принесли, другие унесли... Безумие какое-то! Это все-таки труп, а не сумка.
– Диковато, согласен, – пожал плечами дядя Саша, – но тем не менее, дело, скорее всего, обстоит именно так: иначе действительно невозможно объяснить, зачем труп потом убрали. Абсурд получается.

– По-моему, здесь все – абсурд. Разве нет?
– Нет, конечно. Просто мы видим пока лишь небольшой фрагмент картины, который, будучи оторван от остального, выглядит не слишком осмысленно. Когда мы увидим картину целиком, тогда все встанет на свои места, и ощущение абсурдности исчезнет. Только вот...

– Что, дядя Саша?

– До этого надо дожить. Это многоходовка, и на каждом ходу пешку могут снять с доски.

– Пешка – это я?

– Да, Аня, пешка это ты. Как ты сама это сформулировала: «я же ни во что не играла».

Правильно – играли тобой.

Аня молчала, сжав губы. Она чувствовала, как ее охватывает гнев и возмущение.

– Вижу, – сказал дядя Саша, – что ты настроена идти до конца, и потому пытаться отговорить тебя совершенно бесполезно. Я прав?

– Вы абсолютно правы, дядь Саш! Они хотят игру – будет им игра! Ничего, я разберусь, войду в курс. Я упрямая.

– Я знаю.

– Пока поиграем в их игру, а там они сами не заметят, как роли поменяются, и они начнут играть в мою игру. Мы еще посмотрим, кто есть кто. Может, я и пешка. Но, как известно, пешка может превратиться в ферзя.

– Аня, смотри, чтобы тебя не заносило! Не строй наполеоновские планы! Будь осторожна!

– Хорошо, дядь Саш, я буду осторожна. Но, по-любому, назад я не поверну.

– Ну что ж, – глубоко вздохнул дядя Саша, – тогда твой путь лежит в Италию.

– В Италию? – переспросила Аня, тут же вспомнив про автомобиль с итальянскими номерами, который видел Макс.

– Да. Смотри!

Он перевернул записку в сторону Ани. Перед ней вновь был знакомый текст:

RIVRNADSF: CRIE: B/17R:236P1/32

RVNBCACDODMSUNTCCLXI

FRZBNFRNCBTT

– Видишь? – дядя Саша показал на первую строку. – Первые две буквы, – уточнил он.

– RI, – прочла Аня. – И что?

– Я уверен – это значит REPUBBLICA ITALIANA.

– Итальянская республика?

– Да. Теперь дальше: VRN. Я не сомневаюсь, что это VERONA. Это я понял сразу.

– А дальше?

– А дальше – у меня была догадка, но не было уверенности. Пришлось обратиться к интернету, чтобы эту догадку проверить. Она оказалась верной. Впрочем, это ведь ты мне подсказала. Так что правильнее сказать, что я проверил твою догадку. Ты была права: это значит: ARCHIVIO DEI STATO – Государственный архив. А потом...

– Фонд, опись, дело и страницы, так?

– Конечно – по-итальянски: fondo, elenco, registro, pagine.

– Значит, это то, что вы уточняли в Мультилексе, так?

– Разумеется, – ответил дядя Саша, усмехнувшись. – Нужно было убедиться. Мало ли...

– Верона. Ясно. Только непонятно другое: выдадут ли мне этот документ?

– Те, кто направляют тебя в Италию, естественно, намерены ознакомить тебя с этим «делом»: ради этого, собственно, весь сыр-бор. Но...

– Но что?

Дядя Саша задумчиво помолчал.

– Будем надеяться, все будет хорошо, – наконец произнес он вместо ответа.

А что там дальше? – спросила Аня.

– В записке? Дальше – Равенна.

– Опять архив?

– Нет, на сей раз библиотека. Вот, смотри. ВСАСДО – это Biblioteca Casa d’Oriani. Есть такая в Равенне, я посмотрел. Кстати, это рядом с гробницей Данте.

– Гробница – это отлично ложится в тему, – невесело усмехнулась Аня. – Боюсь, мне будет там не до осмотра достопримечательностей.

– Почему нет? – возразил дядя Саша.

– Экскурсия под дулом пистолета – новое направление в турбизнесе?

– Не смешивай разные вещи: это само по себе, а то само по себе.

– Одно другому не мешает, так?

– Мешает, но не исключает. Вообще говоря, пока человек жив, ему свойственно проявлять интерес к окружающему миру. Ты, кажется, намеревалась выжить и сыграть в свою игру, не так ли? А если ты уже смирилась с мыслью, что тебя убьют, то, может, тогда просто вернуться в простыню и ползти на кладбище?

Аня усмехнулась, представив себе эту картинку.

– Нет, – сказала она, – я никуда не поползу. Я настроена еще пожить. Вы правы: я обязательно посмотрю гробницу Данте.

– Это далеко не все, – заметил дядя Саша. – Равенна – последняя столица Римской империи, всемирная столица мозаики и еще много чего. Равенна – это чудо, уникам. Увидеть ее было мечтой моей жизни.

– Но ведь она сбылась, ваша мечта?

– К счастью, да. Равенна стоит десяти других городов, даже итальянских. Не говоря уж о прочих. Так что антураж что надо!

– А что дальше в этой строке? – вернула Аня разговор к делу.

Дядя Саша вздохнул.

– А дальше, – сказал он, – вот что: DMS. «Departamento degli manoscritti» – Отдел рукописей. Потом unità – «единица».

– В смысле? – не поняла Аня.

– В смысле, единица хранения. И ее номер: CCLXI, то есть, 261.

– Что же там может быть?

– Откуда ж мне знать? Но, полагаю, это должно представлять для тебя интерес.

– Дядь Саш, вы потрясающий человек! Вы могли бы, наверное, миллионы зарабатывать с вашей головой.

– Зачем мне миллионы? Что я с ними буду делать? Ну, хорошо, допустим, у меня есть эти миллионы. Это же с ума сойдешь, пока их пристроишь! К чему мне эта головная боль?

– Я могу только повторить, что вы...

– Не надо повторять, у меня хорошая память. Я польщен. Но тут же вынужден тебя огорчить: с третьей строкой у меня ясности нет.

– Ничего не понятно? – разочарованно спросила Аня.

– Ну почему «ничего»? – возразил дядя Саша. – Понятно, что речь идет о Firenze, то есть, Флоренции. Что касается букв BN, то, думаю, что, скорее всего, они значат: Biblioteca Nazionale.

– Национальная библиотека, ясно.

– Да. Но остальное мне совершенно не понятно. Будем думать.

– Ну, тогда я спокойна, – улыбнулась Аня. – Вы и эту абракадабру расщелкаете!

– Увы, не могу разделить твою уверенность. Это уже оказалось сложнее, чем я ожидал. А между тем, именно там – во Флоренции, как я догадываюсь, находится ключевой источник информации.

– Я верю, что вы справитесь – пока я доберусь до Флоренции. Если я вообще до нее доберусь.

– Ну-ну! Не скисай! Доберешься. Я верю, что удача будет сопутствовать тебе.

– Спасибо. ... Дядь Саш!

– Да?

– А что со второй запиской? Есть в ней какое-то послание?

Дядя Саша помрачнел.

– Послание, спрашиваешь? Послание есть: наглый кураж безнаказанной сволочи, которую ничто не может остановить. Тебе сообщают открытым текстом, что твоя жизнь для них значит меньше, чем разменная монета.

– Пока...

– Прости, не понял. Что «пока»?

– Пока не может остановить, – произнесла Аня с тихой яростью.

Сияющие снежные пики, перехватывающие дыхание пропасти, головокружительные петли и виражи дорожного серпантина остались позади, и Аня вздохнула с облегчением. Красоты Альп она видела мельком, так как была предельно сосредоточена на дороге. Ее водительский стаж был сравнительно небольшим. На такие расстояния, а особенно по таким трассам ей еще ездить не доводилось, и родители были обеспокоены тем, что она самостоятельно поедет в Италию. Она постаралась их успокоить, объясняя в десятый и сотый раз, что она не одна, а с Максом, и что они будут вести поочередно, но мать все равно, как заведенная пластинка, повторяла: «Как ты поедешь одна?», словно не слыша или просто игнорируя эти объяснения. Отец вяло вторил ей.

– Такое впечатление, что у них в голове органчик, – тараторила Аня, когда они, миновав Бреннерский перевал, въехали в Италию, и дорога пошла, наконец, под гору.

Этими сердитыми комментариями она сливала Максиму раздражение, накопившееся после общения с родными, а заодно и стресс от переезда через Альпы.

– Как будто ты – ноль, пустое место, – продолжала она, обращаясь к Максиму, – и тебя вообще не стоит принимать в расчет.

– Они волнуются, – вновь и вновь втолковывал ей Макс, понимая, что она его все равно не слушает.

– Почему бы не попробовать включить мозги?! – развивала Аня свою мысль. – Причем тут волнение? Что, мозги должно сразу отшибать? «Вот когда у тебя будут свои дети, тогда

поймешь». Эта фраза у меня уже в кишках сидит. Как будто они не мыслящие существа, а суслики какие-нибудь!

– Суслики? – переспросил Макс. – По-моему, это из репертуара Сержа, или нет?

– Это не важно, – откликнулась Аня. – Ты сам во многом подражаешь ему.

– В самом деле?

– Именно. Даже в этом вопросе его стиль: «Вот как? В самом деле?»

– В этом словечке «именно» – тоже его стиль, – заметил на это Макс.

Аня смутилась буквально на минуту.

– Серж, – сказала она примирительно, – сильная и яркая личность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что от него многое перенимаешь. И потом, в своих высказываниях он прав.

– И насчет сусликов тоже?

– И насчет них тоже. Интересно, как бы мои дорогие предки отреагировали, если бы узнали во что мы на самом деле вляпались.

Макс заложил руки за голову и потянулся, разминая мышцы, застывшие от долгого сидения. Скоро ему занимать место за рулем: они решили, что заедут на ближайшую заправку, где перекусят, а после этого поменяются местами.

– А во что мы вляпались? – спросил он.

– Если б знать!

– Тебе не кажется, что это нелогично?

– Ну, значит, нелогично, что поделаешь? Где уже эта чертова заправка?

– Вот щит, – сообщил Макс. – до заправки километр.

– Вижу, – отреагировала Аня, перестраиваясь с третьей, скоростной полосы на вторую.

Здесь скорость стала уже поменьше: вместо ста тридцати, они делали теперь 120 км/час. Сейчас надо было смещаться на первую полосу, с тем чтобы съехать с нее на заправку. Но первую полосу прочно оккупировали фуры, которые шли друг за другом на небольшой дистанции, и Аня высматривала возможность встроиться между ними.

Внезапно, словно вынырнув ниоткуда, перед самым носом Аниной машины появилась темно-синяя «Ауди» и, начав перестраиваться с первой полосы на вторую, подрезала ее.

Это было настолько неожиданно, что сердце словно куда-то провалилось, а горло перехватило. Дыхание резко сбилось, и Аня ощутила мгновенную панику. Ей казалось, что она кричит – беззвучно, но изо всех сил. Успела проскочить мысль: «Ну, вот меня и убили, а я еще почти ничего не сделала».

Она была оглушена, и в какой-то момент ей показалось, что она уже умерла и ничего не чувствует, но однако продолжала, словно в автоматическом режиме, глядя в ветровое стекло, вести машину. Происходящее перед ее глазами она воспринимала так, как если бы была сторонним наблюдателем и смотрела кино.

И она увидела, как синяя «Ауди», не задерживаясь на второй полосе и продолжая двигаться Аниной машине наперерез, резко сместилась на третью полосу и исчезла из виду, после чего прямо перед собой Аня вдруг с ужасом обнаружила зад большой фуры, которая именно в этот момент пошла на обгон впереди идущего грузовика и начала смещаться с первой полосы на вторую. «Поло» несся прямо на фуру, с каждой секундой сокращая остававшееся между ними небольшое расстояние. Скорость грузовика составляла ровно сто, и половина его была уже на второй полосе.

Это было настолько страшно, что хотелось выть от ужаса. По третьей полосе одна за другой с визгом проносились машины и попытка встроиться туда сейчас привела бы к не менее жуткой аварии. Аня отчетливо поняла, что и тут, и там – смерть. Перед ее мысленным взором, предстала картина того, что произойдет в ближайшие несколько секунд. Она буквально видела,

как всю правую половину машины, где только что сидел Макс, сносит и сминает в бесформенное месиво. Они неумолимо налетали на фуру сзади. Аня почувствовала жуткую обреченность. Сделать нельзя было ничего – не было уже ни времени на торможение, ни пространства для маневра.

Глава 7

ВИЗИТ С СОПРОВОЖДЕНИЕМ

И тут время пошло как-то по-другому. Все словно происходило в замедленном воспроизведении. Время как будто растянулось и распалось на отдельные кадры, которые сменялись наподобие слайдов, и притом в тишине, как если бы кто-то отключил звук – так это воспринимала Аня.

Она машинально начала тормозить, вполне отдавая себе отчет в том, что это совершенно безнадежно: погасить скорость она не успеет, и единственный шанс избежать гибели – это как-то соскочить на первую полосу, скользнув за фурой по диагонали. Поэтому Аня, сериями притормаживая и оттягивая удар на какие-то мгновения, одновременно начала направлять машину вправо.

Каким-то чудом ей удалось буквально в последнюю долю секунды, почти впритирку к фуре шмыгнуть на первую полосу. Но там перед ней оказался тот грузовик, который обгоняли, и он ехал еще медленнее. Сбросить свою скорость до нужной Аня опять никак не успевала, и теперь им грозило уже столкновение с обгоняемым грузовиком. Водитель машины, ехавшей сзади, в панике сигналил, как сумасшедший, но несмотря на бешеный рев клаксона, Аня не дала себе отвлечься на него и потерять драгоценное время.

В течение нескольких страшных мгновений казалось, что все было зря, и они все-таки налетят на фуру. Тогда ее мозг заработал иначе. Проанализировав ситуацию, он уже сделал летальный прогноз и, попрощавшись с жизнью, в качестве последнего шанса передал управление автопилоту. Тот отключил эмоции, очистил сознание от мечущихся, сумбурных мыслей и заработал в автоматическом режиме. Вся спутанная мыслительная жвачка, вся эта пустая болтовня с собственным «я», вместе со страхом куда-то исчезли, а вместо того включилась удивительная концентрация, и тело как будто уже само решало, что делать. Так, автоматически, продолжая поэтапно тормозить, Аня стала в то же самое время сдвигаться еще дальше вправо – спасительное вправо, с тем чтобы за спиной фуры выскочить на полосу съезда к заправке. Надежда подсказывала, что дополнительная полоса уже должна быть на месте, и они не слетят в кювет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.